Они воевали в разведке

Николай Иванович Шапкин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги — полковник в отставке Николай Иванович Шапкин прошел нелегкий путь Великой Отечественной войны. Командовал ротой, батальоном, полком, был ранен. Книга документальна. В ней рассказывается о ратном труде, о боевых буднях разведывательных групп, взводов, рядовых разведчиков, воевавших на Карельском фронте.

- Николай Иванович Шапкин
  -
  - О друзьях-товарищах
  - Отступая, нападать!
  - Зимними холодными ночами…
  - Первые победы
  - В декабрьскую метель
  - На масельгском направлении
  - Убит у разъезда
  - По ледяному панцирю
  - Сорвали рыбалку
  - Победил смерть!
  - Рейд на Топозеро
  - Язык с Гангашвары
  - Пал смертью героя
  - Высота Беленького
  - Разведчик-корректировщик
  - Хотите верьте — хотите нет
  - В боях под Питкярантой
  - Разведчики дальнего действия
  - Разгром наемников
  - Впереди — граница!
  - Бой за высоту 373,1
  - Враг отступает
  - Переправа, переправа…
  - Сын полка
  - Их будут помнить всегда!
  -
- notes
  -

Николай Иванович Шапкин
Они воевали в разведке

Автор сам не раз ходил в тыл врага. Вместе с разведчиками он добывал сведения о дислокации войск противника, приводил языков. Трудные и опасные вылазки на позиции врага ему пришлось делать в первые же месяцы войны. По заданию штаба 14-й армии он создал на лоухско-кестеньгском направлении разведывательно-диверсионный отряд и совершил вместе с ним многодневный рейд в тыл врага. Одиннадцать суток в тяжелых зимних условиях действовал лыжный разведывательный отряд в тылу врага и успешно выполнил задание командования армии.

О друзьях-товарищах

Мне кажется, что ветераны, вернувшиеся с войны живыми, чем-то похожи друг на друга. У нас одно на всех прошлое, одна боль. Независимо от того, кем ты был на фронте — командиром или рядовым. Наше поколение делало одно святое дело: защищало Родину.

Задуматься об этом меня заставило письмо Николая Сергеевича Сакина, бывшего разведчика нашего батальона. Я привожу его полностью.

«Дорогой друг, фронтовой командир!

Чем дальше уходят события военных лет, тем чаще думается о них. Потому что это — наша молодость. Суровая, жестокая, но молодость!

Отчетливо помню первые дни войны. Дома еще не могли свыкнуться с мыслью о случившемся, а грозные события уже надвигались стремительно и неотвратимо. Мы, молодежь, конечно, сразу же запросились на фронт. Первые дни сколько таких, как я, хлопцев обивали пороги военкоматов! Враг бомбил мой родной Мурманск. Мы видели кровь, страдания и думали, что только на фронте можно рассчитаться с фашистами за их злодеяния. С обидой восприняли мы зачисление в истребительный батальон. Ночные тревоги, поиски парашютистов в окрестностях города казались нам занятием несерьезным. Да и работу на производстве считали мы пустяковой по сравнению с тем, что творилось на фронте. Позже, когда я сам попал в те места, названия которых упоминались в сводках Информбюро, понял, как много зависит от оставшихся в тылу и как почетен и благороден их труд! Помнишь, командир, как было туго? Вот в эти дни я и прибыл в нашу дивизию, которую называли Полярной. Было приятно осознавать, что формировалась она в родном Мурманске. Еще приятнее было то, что в ней оказалось много моих земляков. В первый же день я встретил Киселева, Батрака, Савинова, Видякина. Поговорив с ними, обстрелянными в боях, почувствовал, насколько не подготовлен к настоящим сражениям. Помню, было страшно. Убьют! В первом же бою подстрелят!

Мысли эти все время донимали меня. А в первом бою они вылетели у меня из головы мгновенно.

Откуда было мне знать, что на войне самое трудное постигается куда быстрее, чем в мирной жизни? Но уже в то время меня утешало вот что: все начинали с того же и тем не менее сумели не только страх побороть, а и героизм проявить.

Командиром взвода у нас был лейтенант Ткач. Решительный в поступках, он смело водил за собой бойцов.

В глубокий разведывательный рейд мы пошли вместе с ним. Знали, что будем громить вражеский гарнизон, но о том, что и автоматчикам выпадет потрудиться основательно, не подозревали.

Я в такой серьезной операции участвовал впервые. Поэтому день 10 сентября 1942 года мне хорошо запомнился. Утро было ясное, солнечное. С опушки леса, где остановился наш отряд, хорошо просматривался вражеский гарнизон.

Несмотря на ранний час, немцы уже поднялись. Несколько человек отправились к Пяозеру. Скорее всего, на рыбалку. Таким спокойствием дышал гарнизон, будто и войны не было.

В семь часов прозвучал сигнал. Ждали его с напряженным вниманием. Дальше события развивались стремительно. Подсознательно мозг фиксировал: перемахнули через проволоку, ворвались в траншеи. И вот уже вместе со всеми кричу: «Ура-а-а!» — подгоняю себя этим криком. Потом все рассыпались. Кругом стрельба.

Мы с сержантом Блиновым кинулись за немецким офицером. У входа в землянку фашист обернулся. Я увидел потное, напряженное лицо. А потом прогремели два выстрела подряд. Обе пули вошли в моего товарища. Это я понял, увидев скорчившегося сержанта. Блинов хрипел, страшно выкатив глаза. Я видел, что офицер вот-вот скроется в землянке и тогда его оттуда будет взять сложнее. Я не мог отпустить его. Желание пригвоздить фрица к двери очередью из автомата было так велико, что, казалось, сама смерть не смогла бы остановить меня. Я вскинул автомат, но от гнева и злости дрожали руки, и я промахнулся. Немец тут же юркнул в землянку. Неведомая сила толкнула меня вслед за ним. Я достал гранату и швырнул ее в землянку, затем еще одну. Услышал глухие стоны и побежал дальше.

Сквозь грохот боя долетел до меня сигнал отхода. Я не хотел, чтобы враг надругался над моим товарищем, вернулся к землянке, взвалил Блинова на плечи и поспешил за проволоку.

Через несколько минут фашисты открыли пулеметный огонь с подошедшего катера. Но мы успели уйти.

Так впервые на моих глазах погиб мой товарищ И после этого не стало страха, не стало и жалости к врагу.

Многое мне пришлось еще пережить. Помню, как тяжело воспринял я смерть нашего взводного. Умирал лейтенант Ткач у меня на руках. Немеющими губами он произнес:

— Братцы! Бейте фашистскую нечисть! Отомстите за меня, ребята!

Мне тогда показалось, что это он говорил именно мне. И я мстил… Мстил, пока не ранило самого.

Это было в сентябре 1944 года. Мы уже перешли государственную границу и подходили к финскому городу Кусамо. В том бою под сильным артиллерийским огнем мы с солдатом Назаркиным торопились доставить донесение в штаб. Вдруг рядом с нами разорвался снаряд. Я упал. Почувствовал, что слабею, окликнул товарища. Потом сквозь вязкую глухоту услышал его голос:

— Держись, Коля! Прошу тебя — держись!

Потом в госпитале мне сказали: «Благодари своего друга. Если бы не он — не быть тебе в живых».

Назаркин в это время был уже далеко. Мстил фашистской сволочи! А я вышел из госпиталя инвалидом.

Написал Вам, командир, все это, словно снова побывал в той фронтовой жизни. Когда будете читать эти строки, вспомните сраженья нашего батальона, вспомните бойцов — живых и погибших!

Когда на меня находят воспоминания, я думаю о том, что сделал я для Победы? Особых заслуг не имею. Все мои награды — несколько медалей. И все же — воевал я не зря! Нет, не зря! Не будь на фронте солдата Николая Сакина, победа была бы трудней!»

Да, невозможна была бы Победа без Николая Сакина. И без тысяч таких же, как он.

Вот и вспоминаю я разведчиков наших. И чем больше лет проходит с той поры, тем чаще вспоминаю…

Война на севере нашей страны началась 29 июня. Три горно-стрелковые дивизии немцев, перейдя государственную границу, начали наступление, намереваясь прорвать оборону 14-й армии и захватить Мурманск. В изнурительных боях наши войска сумели остановить противника, а затем отбросили его за реку Западная Лица.

1 июля завязались сильные бои под Алакуртти и Кестеньгой. 122-я и 104-я стрелковые дивизии, оборонявшиеся на этих направлениях, не смогли сдержать натиск врага и вынуждены были отойти.

Под Ухтой части 54-й стрелковой дивизии вступили в противоборство с 3-м армейским корпусом финнов. Здесь противник довольно быстро был остановлен.

Но особенно мощное наступление финская армия предприняла 2 июля под Корписелькой на суоярв-ском

направлении. Прорвав оборону 71-й стрелковой дивизии, 6-й и 7-й армейские корпуса финнов продолжали продвигаться вперед, стремясь кратчайшим путем выйти к северо-западному побережью Ладожского озера. Финнам удалось захватить Питкяранту, Сортавала.

В сентябре, введя свежие резервы, финская армия прорвала оборону наших войск, захватила Олонец и вышла к реке Свирь. 30 сентября наши части вынуждены были оставить Петрозаводск. Однако вскоре противник был остановлен на всех направлениях Карельского фронта. Началась долгая, полная драматизма так называемая «окопная» война…

Отступая, нападать!

Всю ночь перед боем начальник штаба разведывательного батальона 54-й стрелковой дивизии старший лейтенант Даниил Полтавец не сомкнул глаз. Он еще и еще раз продумывал предстоящую операцию, хотя все было решено, командиры рот и взводов получили боевую задачу и наметили ход ее выполнения.

Разведчикам и приданным им пехотинцам предстояло утром 2 сентября уничтожить противника, прорвавшегося в тыл обороняющейся дивизии. Враг перерезал дорогу, соединяющую Ухту с Ругозером. Его нужно разбить, потому что дорога должна быть безопасной для прохода наших автомашин с боеприпасами и продовольствием.

При разработке этой операции Даниил Полтавец предложил наступать тремя группами, с разных сторон.

— Основную группу поведу я сам. Слева пойдет первая рота пехотинцев, справа — вторая. Атаку начнем одновременно. В ходе боя разведчики выявляют огневые точки врага и уничтожают их.

На рассвете по позициям прорвавшегося противника ударили полковые минометы, чтобы поддержать атаку наших бойцов. Мины еще свистели в воздухе, когда разведчики и пехотинцы ринулись вперед.

— За Родину! Ура! — первым поднялся в атаку Даниил Полтавец, увлекая за собой бойцов.

Враг встретил наступавших автоматным и пулеметным огнем. Бойцы, пробежав метров двести, залегли и, прячась за валунами и деревьями, поползли навстречу врагу.

— Товарищ старший лейтенант, слева за скалой пулемет!

— Вижу, — кивнул головой старший лейтенант

и приказал передать минометчикам координаты вражеских огневых точек.

Через несколько минут вновь заговорили 82-миллиметровые минометы. Над позициями финнов взметнулись взрывы. В воздух полетели комья земли, бревна, доски. Минометчики подавили пулеметы противника, и разведчики короткими перебежками, прикрывая друг друга огнем, снова устремились вперед.

— Заходи быстрее справа в тыл! — передал Полтавец по рации приказ командиру первой роты Бондаренко.

В это время вторая рота обошла вражеские окопы слева.

Финны оказались в окружении. Не многие из них смогли выбраться из огненного кольца. Несмотря на упорное сопротивление, маннергеймовцы были разбиты, и дорога, питавшая наши передовые части вооружением, вновь стала

свободной для беспрепятственного проезда. Сорок пять вражеских солдат, четыре офицера сдались в плен. Разведчиками было захвачено шесть минометов, большое количество автоматов и винтовок.

За эту операцию старший лейтенант Даниил Полтавец был награжден орденом Красного Знамени и, получив звание капитана, вскоре был назначен командиром 34-го отдельного разведывательного батальона.

Десятого сентября ему был дан новый приказ: уничтожить гарнизон противника на хуторе Энсу.

…Полтавец достал из планшета карту, отыскал на ней хутор — он был знаком ему. Разведчики не раз там бывали. Дома на хуторе стоят на открытом месте, и в лоб гарнизон не возьмешь, тем более что перед хутором дзоты и две линии траншей.

«Брать надо ночью и внезапно, чтобы избежать лишних потерь!» — после некоторых раздумий решил Полтавец.

Вечером батальон и приданные ему минометные расчеты погрузились на катера, переправились на западный берег озера Среднее Куйтто и незаметно сосредоточились перед первой траншеей противника.

— Приготовиться к атаке! — передал по цепи команду Даниил Полтавец. И когда ночную тишину взорвали минометы и пулеметы, встал во весь рост, крикнул — За мной!

Стремительным броском бойцы ворвались в первую траншею врага. В рукопашной схватке перебили финнов и ринулись ко второй линии обороны, которая проходила вблизи домов. Но враг успел опомниться, тут же ожили его дзоты. Противник открыл беспорядочный огонь из пулеметов, не понимая, откуда могли появиться русские.

В дуэль с ними вступили наши минометчики. Они быстро подавили вражеские пулеметные гнезда. По приказу Полтавца два взвода наших пехотинцев зашли во фланг противнику и атаковали его. Вражеские солдаты не выдержали одновременного удара с двух сторон, оставили траншеи и скрылись в домах.

Перед домами было широкое поле, которое хорошо простреливалось. Наступать по нему — значит понести большие потери. И Даниил Полтавец приказал пяти штурмовым группам, состоящим из семи человек каждая, подобраться с тыла к противнику и уничтожить его.

— Для обеспечения ваших действий мы создадим видимость подготовки к атаке и отвлечем внимание врага, — ободрил он разведчиков.

Когда штурмовые группы скрылись из виду, оставшиеся бойцы открыли пулеметный и автоматныи огонь по домам

хутора: мол, готовьтесь — вот-вот последует атака. Финны усилили ответный огонь.

Полтавец ждал, когда штурмовые группы обойдут гарнизон. Ждали и бойцы.

Финны, поняв, что пока на них никто не наступает, прекратили беспорядочную пальбу. Вот тут-то на них с тыла и напали штурмовые группы, забросали дома гранатами. Гарнизон пал.

В шесть часов утра одиннадцатого сентября батальон возвратился на свой берег. Он доставил пленных, трофейное оружие, боеприпасы.

Но и у наших были потери. Под высокими соснами на берегу озера Среднее Куйтто разведчики вырыли братскую могилу, в которой похоронили одиннадцать своих боевых товарищей. А двадцать девять раненых были отправлены в госпиталь.

Когда капитан Полтавец доложил о выполнении задания по разгрому вражеского гарнизона, командир дивизии похвалил разведчика, затем добавил:

— Отступая, нужно нападать. Только так и будем отступать, если уж мы вынуждены пока отступать!

Зимними холодными ночами…

В октябре 1941 года на лоухско-кестеньгское направление Карельского фронта была переброшена немецкая дивизия СС «Север». Части этой дивизии, поддерживаемые авиацией, танками и артиллерией, предприняли новое наступление, чтобы как можно быстрее овладеть станцией Лоухи и перерезать Кировскую железную дорогу. Но яростные атаки отборных частей противника были отбиты. А наступившая вскоре зима приковала фашистские войска к окопам и землянкам.

Но активные действия вражеской разведки и с приходом зимы не прекращались. Особенно часто стали проникать разведгруппы немцев и финнов в полосу обороны 328-го стрелкового полка. Наше командование решило эффективнее противо-действовать вражеской разведке. Штаб полка разработал специальный план. Началась срочная подготовка отдельных разведывательных групп, взводов.

…В штаб 328-го стрелкового полка, расположенного под Сосновым, в 34 километрах от Лоухи, был вызван командир взвода пешей разведки Анатолий Денисов.

Начальник штаба полка майор Антоненков поздоровался с лейтенантом и спросил:

— Сибиряк?

— Так точно. Из Томской области.

— Будешь теперь охотиться не за медведями, а за фрицами. Смотри на карту… — И начальник штаба стал разъяснять, где и как лучше произвести разведку.

Около недели разведчики тщательно изучали систему обороны противника. Когда наконец взвод был готов к действиям в тылу врага, лейтенанта Денисова снова вызвали к начальнику штаба полка.

Выслушав внимательно доклад, майор Антоненков еще раз уточнил задачу, а в заключение сказал:

— Без языка, лейтенант, не возвращайся!

Место прохода обороны противника выбрали в заснеженном болоте, где не имелось сплошных траншей, а проволочное заграждение было в один ряд. Наступила темнота. Взводный выстроил разведчиков, проверил их готовность, напомнил задачу, затем подал команду — и белые фигуры бойцов растворились на снегу.

В назначенное время разведгруппа перешла передний край обороны противника, углубилась метров на пятьсот и залегла в кустарнике. Ночь была темной. Враг периодически освещал

местность ракетами.

Лейтенант Денисов, не поднимаясь с земли, тихо подозвал к себе сержанта Карповича и рядового Рогова.

— Ползите вперед, — приказал он им, — один вправо, другой влево. Проверьте, нет ли мин. И чтобы без шума!

Прошли томительные полтора часа. Первым вернулся Карпович и рассказал, что впереди густой кустарник, за ним — поле. Слышал голоса и стук конной повозки. Вероятно, рядом дорога и оборона врага. Вскоре вернулся и Рогов. Доложил, что заметил двух фашистов, которые передвигались вдоль обороны, ракетами освещая местность. В километре от них — пулеметная точка немцев. Впереди мин нет.

Взводный решил хорошо замаскироваться, а днем организовать наблюдение за противником.

Целый день, зарывшись в снегу, разведчики терпеливо вели наблюдение. Было установлено место нахождения блиндажа, к нему то и дело подъезжали повозки, подходили гитлеровцы.

Денисов решил брать языка из патрулей, которые ракетами освещают местность. Он назначил группу захвата, группу обеспечения, группу прикрытия. Провел с ними инструктаж, каждой поставил конкретную задачу.

Снова настала ночь. Разведчики скрытно начали выдвигаться вперед. Более часа осторожно ползли они по рыхлому снегу и вскоре приблизились к двум вражеским солдатам, которые шли по набитой тропе. Лейтенант приказал группе захвата во главе с рядовым Макаровым без выстрела взять языка, а группе прикрытия во главе с сержантом Пименовым двигаться вслед, при необходимости поддержать огнем, а затем обеспечить общий отход.

Соблюдая маскировку и предельную осторожность, разведчики поползли, держа в поле зрения патруль. Группа захвата подползла совсем близко. И вот, выбрав удобный момент, разведчики набросились на фашистов, сбили их с ног. На каждого навалилось по два бойца, не дав не только открыть огонь, но и крикнуть.

Не теряя времени, они потащили фашистов назад. Взводный шепотом похвалил:

— Молодцы! Чисто сработали! А сейчас, ребята, надо уничтожить дзот, он будет мешать нам при отходе.

У разведчиков оказалась в руках вражеская ракетница, и они, как пленные несколько минут назад, стали освещать местность. В это время группа захвата во главе с Макаровым приблизилась к огневой точке. Затем внезапным огнем из автоматов смельчаки уничтожили находившихся в дзоте фашистов и, захватив пулемет,

быстро начали отходить к своей обороне.

Противник не успел помочь своим. Разведчики исчезли в темноте.

Вскоре они с двумя пленными вернулись в расположение наших войск.

А вот еще несколько эпизодов из фронтовой жизни разведчиков 328-го полка.

…Одной из рот полка была поставлена задача — провести разведку боем, выявить прочность обороны врага, захватить пленных, документы, оружие.

Взводу Денисова предстояло в этой разведке проникнуть в глубь обороны фашистов, захватить дорогу, связывающую передний край врага с тылом, и не допускать подхода его резервов к району боя.

После артподготовки рота атаковала позиции гитлеровцев, а разведвзвод скрытно вышел на дорогу и перехватил спешивших на помощь вражеских солдат.

В этом бою было уничтожено до 50 фашистов, разведчики захватили пленных, оружие, документы.

А вскоре командир полка снова вызвал Денисова и сказал:

— Прошлой ночью в районе наших тылов был противник, вероятно разведчики. Твоя задача — установить место их прохода через наш передний край, сделать засаду и уничтожить. К выполнению задания приступить срочно, нынешней же ночью.

Две ночи подряд разведчики лежали, зарывшись в снег, но враг не появлялся. Наступила третья ночь. Денисов находился в центральной группе. Вдруг дозорный доложил, что он обнаружил двух человек, пробирающихся к нашей обороне. Денисов определил: это парный головной дозор врага.

Приблизившись к проволочному заграждению, фашисты залегли. Потом, пригнувшись, к ним подошел еще один. Начали резать проволоку для прохода. Вскоре в ста метрах от нашей засады появилась вся группа врага.

Денисов приказал огня пока не открывать, но быть готовыми к этому. Он решил пропустить лазутчиков за проволоку, а на обратном пути уничтожить их всех до одного. Когда противник углубился в нашу сторону, один из разведчиков подполз к Денисову и с сомнением спросил:

Товарищ лейтенант, а вдруг не вернутся назад? Вдруг пойдут другим путем?

Вернутся, никуда не денутся! — уверенно сказал лейтенант. — Они именно здесь проторили свою тропу.

Денисов расположил бойцов так, чтобы можно было расстрелять немцев в упор. Это был риск, и лейтенант понимал,

что рискует. Если к утру немцы не вернутся, придется разыскивать их.

Но разведка противника глубоко в наш тыл не пошла. Приближалось утро. И вскоре послышалось слабое поскрипывание снега. «Возвращаются», — с облегчением подумал лейтенант. А когда немцы приблизились к проходу в проволочном заграждении, взводный отдал команду.

— По фашистским лазутчикам — огонь!

Разведчики открыли губительный огонь из автоматов, в фашистов полетели гранаты. Восемь вражеских солдат были убиты, а двоих раненых и трех сдавшихся в плен наши разведчики доставили в полк.

Задача и на этот раз была выполнена блестяще. Ни одного человека не потерял взвод в схватке. А непрошеные гости перестали посещать тылы 328-го полка.

Командование полка представило лейтенанта Денисова и его разведчиков к правительственным наградам.

Много еще пришлось Денисову провести разведывательных поисков, засад, ходить по тылам противника, брать языков. Впоследствии он командовал стрелковой ротой, батальоном. На всех командных должностях выполнял свой ратный долг отлично и за подвиги в боях против фашистских захватчиков был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Первые победы

Только что вернувшись из 150-километрового рейда по тылам врага в Заполярье, разведчики расположились на отдых. И отдыхали бы они день-другой… Но внезапно обстановка на фронте изменилась. И командование послало 290-й полк на другое направление — на кестеньгское, где с 7 ноября шли ожесточенные бои с немцами.

Утром 14 ноября 1941 года разведчики погрузились в автомашины, и колонна тронулась по Мишуковскому шоссе. Северный ветер хлестал в обветренные лица бойцов. Дорогу занесло сугробами. Приходилось часто спрыгивать и подталкивать машины. «Взяли, еще раз взяли…» — и грузовики с ревом прорывались через снежные заносы.

Вечером переправились через залив. А спустя четверть часа подали эшелон. Прощай, Мурманск!

С одобрением осматривали теплушки, кто-то уже разжигал буржуйку, открывал консервы, хлопотал о кипятке. В вагонах возникла обычная в таких случаях атмосфера оживления. Красноармейцы понимали, что какое-то время они будут в тепле, где можно не думать о языках, засадах, смертях…

Всю ночь поезд шел, почти не останавливаясь. На следующий день утром, на станции Лоухи, эшелон перевели на кестеньгскую ветку, и он двинулся на запад. На 34-м километре остановился. Здесь полк ждали прибывшие раньше офицеры штаба Полярной дивизии.

Меня вызвали к командиру полка Степану Кузьмичу Шушко, который объяснил обстановку. Потом сказал:

— Вступайте опять в должность командира батальона. — Взял карту, тяжело опустился на грубо сколоченный табурет и склонился над картой, показывая карандашом высоту Няу-Ваара и озеро Черное. — На этой высоте ведет неравный бой 72-й погранотряд под командованием майора П. Гольцова и комиссара А. Савельева. Пограничники окружены. Есть раненые, на исходе боеприпасы, продовольствие. В ближайшие сутки не поможем — им гибель.

Шушко встал и добавил:

— Высоту необходимо удержать. Во что бы то ни стало! Она господствует над местностью. И она нам нужна. У вас, Шапкин, есть опыт. Опередите фашистов, атакуйте их внезапно. Для усиления вам придается пулеметная рота, одна минометная и часть медицинского персонала. Задача вашего батальона — прорваться к пограничникам и вместе с ними удерживать высоту,

пока полк не начнет контрнаступление.

Долго изучать обстановку и готовиться к трудному походу мне не пришлось — дорог был каждый час. Провел совещание с комиссаром батальона политруком В. Ф. Сарычевым, начальником штаба батальона старшим лейтенантом М. Прохоровым, командирами рот Лаптевым, Азиевым, Горновым. Разъяснил им боевую задачу.

Вечером, как только стемнело, на лыжах походным порядком двинулись к неизвестной высоте. Шли долго. Привалов не устраивали. Старались чтоб даже лыжи не скрипели по снегу. После десяти километров пути разведчики Воробьев, Кукушкин и Сорокин обнаружили за болотом три поста противника. Батальон остановился, окопался в снегу. После некоторого колебания я принял решение атаковать немцев следующей ночью. Приказал костров не разводить. Любая оплошность могла выдать нас, и тогда сорвалась бы ночная атака. Через некоторое время, пригнувшись, ко мне подошли в белых халатах разведчики Воробьев и Сорокин.

— Обнаружили семь шалашей, — доложили они. — Изредка из них выходят по два-три фрица.

— Видны ли там траншеи? — спросил я.

— Да, траншеи есть.

Я задал еще несколько вопросов. Затем, посоветовавшись с комиссаром и начальником штаба, решил атаку начать в 3 часа 30 минут. Фашисты будут крепко спать.

А пока батальон ждал, закопавшись в снег…

Со стороны Кестеньги в два часа дня прилетели три юнкерса. Они шли прямо на высоту Няу-Ваара — бомбить позиции окруженных пограничников. «Раз прилетели, значит, обстановка может измениться, — подумал я. — Фашисты могут опередить нас и начать новую атаку на пограничников».

— Приказываю лежать, не обнаруживать себя! — передал я по цепи.

Разведчики залегли в снежных ячейках по 3–4 человека, выполняя приказ.

Самолеты прошли над нами, затем развернулись и один за другим стали сбрасывать бомбы на пограничников. Потом улетели.

Время шло томительно медленно, мороз не спадал, потянул холодный ветер. Изредка раздавалось потрескивание деревьев. Ни пограничники, ни немцы, окружившие высоту, не стреляли. С тех и других позиций, как только стемнело, периодически стали взлетать ракеты, освещая все вокруг…

Подползли связные от командиров рот, доложили: «Роты к

атаке готовы!»

Я посмотрел на часы — было 3 часа 25 минут. И подал команду: «Вперед!» Сразу же по цепи пошло: «Атака!» — и зашевелились белые фигуры бойцов на снегу. Разведчики встали, держа наготове оружие.

И вот белая волна покатилась без шума на врага. Командиры отделений тихо подавали команды. Настал час расплаты. Перед самыми траншеями раздалось: «Ура! Бей гадов!» Разведчики врывались в шалаши, забрасывали фашистов гранатами. Бойцы пулеметной роты П. Ф. Горнова захватили командный и медицинский пункты врага.

Ударили по фашистам и пулеметы с высоты Няу-Ваара. Пограничники, поняв, что пришла помощь, тоже вступили в бой. Атака прошла молниеносно. Противник был разгромлен, и мало кому удалось бежать. Батальон занял оборону.

Утром роты закрепились на прорванном участке, зная, что фашисты предпримут контратаку, чтобы восстановить положение. Немедля я послал разведгруппу во главе со старшиной А. Воробьевым, чтобы установить связь с погранотрядом и сообщить, что прорыв осуществлен, можно эвакуировать раненых, больных.

В 8 часов прибыл капитан Балашов из 72-го погранотряда. Он радостно пожал мне руку, благодаря за оказанную помощь. К этому времени пограничникам на высоту Няу-Ваара уже было отправлено продовольствие, медикаменты, боеприпасы.

Балашов рассказал о боях за высоту. Мы и сами видели десятки вражеских трупов, лежавших перед обороной пограничников. Было видно, что схватки шли жестокие. Пограничники сделали все, чтобы удержать высоту.

Няу-Ваара имела стратегически важное значение. Недалеко от нее, в поселке Окунева Губа, находился наблюдательно-предупредительный пост пограничников. На этот пост и напал внезапно большой отряд оккупантов. Пограничники приняли бой, но силы были неравными, и они вынуждены были отойти. Скрываясь за постройками, скирдами, кустарником, воины в зеленых фуражках отступали к высоте Няу-Ваара. Красноармеец Левшин, понимая, что больше нет выхода, кинулся к дому, где был установлен телефон. Он не думал о том, что идет на верную смерть. Им в этот момент владела только одна мысль: предупредить командование погранотряда о фашистах. И он успел это сделать. Коммутатор погранотряда ответил ему сразу же. «Окуневу Губу заняли немцы! Человек триста!» Это было единственное, что успел сказать отважный пограничник. Его схватили, закрутили руки за спину. Потом сильно ударили по голове, и он упал на пол. Фашисты выволокли его во двор и,

прижав штыками к стене, стали требовать сведения о погранотряде…

Через несколько часов, когда красноармейцы погранотряда ворвались в местечко и выбили фашистов, то увидели страшную картину. Привязанный к столбу, стоял их мертвый товарищ, изувеченный врагом, словно памятник мужеству и верности солдатскому долгу.

Потом была высота Няу-Ваара. Пограничники понимали: ее во что бы то ни стало нужно вырвать у врага. И для многих фашистов Няу-Ваара стала могилой. Яростной была атака пограничников. В рукопашном бою они овладели высотой. Офицеры Балашов, Дорохов, Лобастов, Греков, Марков, Куличенко, Харин, красноармейцы Хуторцев, Кабаков, Гридин, увлекая за собой бойцов, бесстрашно дрались с захватчиками.

Наступившая ночь облегчения не сулила. Спать никто из пограничников не ложился. Тревожное ожидание немецкой атаки жило в каждом бойце. С рассветом, 14 ноября, по высоте ударили вражеские пулеметы и минометы. Густыми цепями шли на красноармейцев гитлеровцы. Но пограничники отбили первую атаку. Потом отбили вторую, третью… Высота оставалась нашей!

«Ни шагу назад!» — таков был приказ начальника погранотряда П. А. Гольцова. И этот приказ пограничники выполнили.

И 18 ноября подразделения фашистского полка «Мертвая голова», пытавшиеся захватить Няу-Ваара, вновь были отброшены. А еще через день с этой высоты части Полярной дивизии перешли в решительное контрнаступление и отбросили немцев на несколько километров в сторону Кестеньги.

Это были первые наши победы в 1941 году, которые воодушевляли бойцов и придавали им силы для дальнейших жестоких боев на Карельском фронте.

В декабрьскую метель

В ночь на 6 декабря группа разведчиков 58-го стрелкового полка в третий раз ушла в ночной поиск за языком и через два часа вернулась в расположение своего подразделения ни с чем. Разведчики были обнаружены и обстреляны боевым охранением противника.

Разыгралась сильная метель, когда разведчики, усталые и замерзшие, остановились у своего блиндажа. Старшина Дьячков, встретивший их, только посмотрел на старшего лейтенанта Чикового и все понял: вылазка прошла безрезультатно.

— Вот, черт возьми, когда туда шли — снег под ногами скрипел, а назад — чуть с пути не сбились! — выругался Чиковой, на ходу отдавая старшине маскхалат и автомат.

Остальные тоже быстро разделись и сгрудились у жарко дышащей буржуйки.

— Из штаба полка интересовались, — сказал Дьячков старшему лейтенанту, — просили, как только вернетесь, сразу же позвонить.

— А пошли они… — отмахнулся злой Чиковой.

Он знал, чего хотел штаб: нужен язык во чтобы то ни стало. Вот уже почти неделя, как противник прекратил боевые действия, и по всему участку фронта воцарилась мертвая тишина. Эта тишина беспокоила штаб 52-й дивизии, оборонявшейся здесь. Немцы что-то затевали. Но что? Разведотделение штаба каждую ночь направляло группы разведчиков, чтобы выяснить причину внезапного затишья у фашистов. Разведгруппы докладывали лишь о незначительном передвижении войск противника. Казалось, немцы начали постепенную передислокацию своих войск и их концентрацию на участке обороны 58-го стрелкового полка. Для чего? Для очередного наступления?

Командира 58-го полка предупредили об этом и потребовали добыть языка для подтверждения данных дивизионной разведки.

Но языка взять никак не удавалось. Старший лейтенант Чиковой в третий раз вернулся из поиска ни с чем. И докладывать об этом в штаб полка ему не хотелось. Во всяком случае — прямо сейчас, когда от буржуйки тянуло теплом и оно уже начало отогревать руки, тело, лицо, но еще не разогрело саму душу старшего лейтенанта, который был зол и на себя, и на штаб полка, и на немцев, к которым, черт их возьми, не подобраться ни с какой стороны.

Из штаба позвонили сами, не дождавшись звонка ротного Чикового. Поднял трубку старшина, послушал, затем протянул ее

старшему лейтенанту:

— Вас. Опять из штаба.

Чиковой взял трубку.

— Старший лейтенант Чиковой слушает. Нет, товарищ майор… Потерь тоже нет. Все, что в наших силах, мы делаем. Язык будет, обязательно будет! Вот погода сменилась. Если пурга продержится, пойдем днем. Отдохнем немного и пойдем… Есть докладывать по прибытии!

Старший лейтенант бросил на аппарат трубку и заходил взад-вперед. Его злили эти пустые телефонные разговоры — что, он нарочно не хочет привести языка?

— Всем отдыхать! — старший лейтенант посмотрел на часы. — Через четыре часа выступаем.

Он тоже собрался было прилечь на мягкий еловый лапник, расстеленный на полу землянки, как вдруг ему на глаза попался сидевший в углу ефрейтор Павел Бокарев, ротный пулеметчик. Тот молча возился со своим «максимом» и в разговор вернувшихся из разведки не встревал. На нем старший лейтенант и сорвал все зло за неудавшуюся вылазку.

— Бокарев! Я не взял тебя в этот поиск, хотя ты неплохой разведчик, только потому, что велел тебе сдать свой пулемет в полковую оружейную мастерскую. Почему ты не выполнил мой приказ?!

Бокарев встал.

— Товарищ старший лейтенант, я бы сам его отладил. Это быстрее.

— Ты что, за идиота меня принимаешь?! — еще больше разозлился Чиковой. — Может, ты и на кожухе заплатки поставишь?

— Кожух мне новый дадут.

— Вот что, Бокарев, сейчас же неси свой станкач в мастерскую! Через час доложишь.

— Но мастерская еще закрыта… — попытался возразить Бокарев.

— А мне дела до этого нет! — оборвал его старший лейтенант. — В следующий раз будешь выполнять то, что тебе приказали. В общем, через час доложишь.

И Чиковой, не раздеваясь, прямо в фуфайке повалился на лапник. Он понимал, что Бокарев через час не обернется — мастерская открывается в семь утра, а даже если и обернется, будить все равно не станет — неписаные законы разведчиков знает. Но сказано — значит сказано.

Бокарев нехотя поднялся, взвалил на плечи свой «максим» и вышел из землянки…

Ровно через четыре часа старшина Дьячков поднял разведчиков. Чиковой встал первым, стряхнул с фуфайки прилипшие еловые иголки, глотнул из котелка кипятку и приказал:

— Всем проверить лыжи, оружие. Через десять минут выходим. — И к старшине: —На передовой тихо?

— Тихо, — ответил старшина. — Поземка разыгралась пуще прежнего. Как раз что надо. Вот только Бокарев пропал. Ушел — и до сих пор не возвернулся.

— Как? Еще не вернулся! — Чиковой уже забыл про Бокарева, да, собственно, сейчас не до него. Но прошло четыре часа. Это снова разозлило старшего лейтенанта и одновременно встревожило. В какое-то мгновение он подумал: не заблудился ли Бокарев в такую круговерть, а затем разом отбросил мысли о пулеметчике и весь переключился на предстоящую разведку.

Когда вслед за всеми он вышел из землянки, ему в лицо ударил колючий ветер и снегом залепило глаза. Вокруг нельзя было ничего разглядеть. «Пурга действительно что надо, — подумал Чиковой, — и вылазка должна удасться. Немцам и в голову не придет, что русские решатся навестить их днем. Да в такую пургу сам черт не разберет, где свой, а где чужой!»

Старший лейтенант построил группу, тщательно осмотрел каждого с головы до ног и, удовлетворенный, махнул рукой: пошли! Разведчики направились к передовой.

Но не успели они отойти от своего блиндажа и ста метров, как Чикового нагнал старшина Дьячков и радостно объявил:

— Бокарев нашелся! Из второго батальона позвонили, там он…

— Черт с ним, с Бокаревым, — отмахнулся старший лейтенант. — Вернусь, я покажу ему, как разгуливать по передовой.

— Так он же трех фашистов споймал, товарищ старший лейтенант!

— Каких еще фашистов? — не понял Чиковой.

— Самых настоящих! Целых трех, — повторил старшина. И добавил: — Ей-богу, не вру, сам батальонный сообщил. Бокарев их туда доставил.

— Чиковой внимательно посмотрел на старшину.

— Ей-богу? — переспросил язвительно.

— Ей-богу, товарищ старший лейтенант! — повторил Дьячков и хотел было для большей убедительности перекреститься, но вовремя опомнился. — Батальонный же врать не станет…

— Да где ж он их споймал? — спросил Чиковой. — Может, они тоже свои «шмайсеры» в нашу мастерскую носили?! — Затем

задумался. — Хотя, ты прав, батальонный врать не будет.

Старший лейтенант велел группе вернуться в землянку и, не снимая экипировки, ждать его. А сам направился на передовую 2-го батальона. «Чем черт не шутит, — подумалось ему, — может, немцы сами пришли, перебежчики?»

КП второго батальона он нашел быстро, хотя ни разу там не бывал. Интуиция разведчика подсказала ему, когда он остановился перед блиндажом на пригорке, что это и есть батальонный КП — хороший обзор, несколько ходов сообщений.

— Заходи, заходи, ротный! — встретил его командир батальона капитан Васильев— Ты, говорят, не одну ночь за языком охотишься, а вот твой молодец сразу троих привел. Да и как он их ловко сцапал, я живот надорвал, слушая его!

Чиковой ничего не ответил, стряхнул снег, откинул капюшон маскхалата, прошел в центр землянки, где за дощатым столом сидели четверо — его Бокарев и три немецких солдата, один из которых держался обеими руками за голову. Бокарев поднялся перед ротным с виноватым видом.

Чиковой молча присел на скамейку. Достал папиросу, закурил.

— Ну, рассказывай, — только и сказал он Бокареву.

Тот потоптался на месте, снова виновато взглянул на старшего лейтенанта, затем положил на скамейку свою ушанку и, запинаясь, начал рассказывать.

— Пришел я, значит, в оружейку, как вы и велели. Она оказалась открытой. Там, оказывается, один слесарь вместо часового ночует. Отдал я ему свой станкач, а вместо него на время выпросил ручной пулемет, пока мой в починке. Добрый человек — слесарь, дал. Ну, я обратно потопал. Шел, шел, а нашей землянки все нет и нет. Потом болото началось, за болотом пригорок. Мне показалось, что я слишком вправо взял, свернул левее и пошел вперед. Вокруг метет, темно — хоть глаз коли! Вскоре понял, что заблудился. Решил дальше не идти, переждать пургу или, может, кто ракету пустит, чтобы сориентироваться… Присел на камень, задремал. Нет, спать не спал, а так, с закрытыми глазами сидел. Вдруг слышу — недалеко от меня переговариваются. Я хотел было окликнуть, но мне словно кто-то подсказал: не спеши. Спрятался за камень, чтобы не видно было. Думаю, пропущу их — сам потихоньку следом за ними. Стыдно все же признаться, что заблудился. Конечно, никак не ожидал, что это фрицы на меня вышли. Откуда им взяться! А тут — хоть метет — вижу: мать честная, действительно немцы! Прямо на меня друг за дружкой идут. Все, думаю, пропал. Хоть пулемет в руках, а патронов-то — ни одного нет! Струхнул я, если

откровенно, не на шутку, еще ниже за камень спрятался. Вот немцы поравнялись со мной, двое уже мимо прошли, а третий приостановился и прямо на меня смотрит — не сообразил сразу что к чему. Тут я со страху не выдержал, вскочил и двинул его пулеметом по башке. Выскочил из-за камня и тем двоим, что уже прошли, кричу: «Хенде хох, сволочи!» Они остановились, обернулись — и тоже понять никак не могут, что перед ними русский. Я — на них, трясу пулеметом, и все, что знаю по-немецки, как можно громче выкладываю…

Тут Чиковой не удержался и рассмеялся. Он-то знал, как выражается «по-немецки» Бокарев: «хенде хох», а остальное — матом.

— Ну-ну, дальше, — сквозь смех сказал он.

— А что дальше? Дальше они автоматы побросали и, как говорится, хенде хох. Оружие их я взял и приказал этим двоим тащить третьего, которого по башке треснул. Вот и привел…

— Как же ты назад дорогу отыскал? — спросил старший лейтенант.

Судя по всему, он плутал по нейтральной полосе, ближе к немецким позициям, — вступил в разговор капитан Васильев. — Мог бы и сам к фашистам угодить.

— Тут я почти наугад шел, — ответил Бокарев. — Единственно точно знал — что к своим иду, потому что, когда из оружейки выходил, пурга в лицо мне хлестала, а когда немцев повел, спиной повернулся. Думаю, все равно на кого-нибудь выйду. Вот и вышел на второй батальон.

Капитан Васильев еще раз посмеялся от души над удачливым Бокаревым, потом взял у него пулемет, подошел к немцам ближе, жестами показал им, что стрелять он станет только тогда, когда сверху будет лежать диск, а диска нет. Капитан два раза дернул затвором пулемета, щелкнул курком, затем развел руками: мол, видите, не стреляет.

— Вот так-то, герр-камрады, объегорил вас ефрейтор! — заключил капитан.

Немцы все поняли, и тот, что все время держался за голову, вдруг вскочил и с размаху ударил в лицо другого немца.

Капитан резко шагнул к ним.

— Но-но, камрады! После драки у нас кулаками не машут… — И, уже обращаясь к Бокареву, добавил: — А вообще-то он правильно поддал ему, в следующий раз будет умнее. Так ведь, Бокарев?

— Так точно, товарищ капитан! — впервые за все время улыбнулся Бокарев.

— Ну, тогда забирайте своих драчунов и ведите в штаб полка,

там их, видно, заждались.

Пленных немцев Чиковой вместе с Бокаревым вскоре доставили в штаб 58-го стрелкового полка. Они подтвердили данные дивизионной разведки о концентрации войск противника в полосе обороны 58-го стрелкового полка и о готовящемся здесь наступлении.

Вернувшись в роту, старший лейтенант пересказал разведчикам всю историю и сразу же засел писать рапорт на имя командира полка о достойном награды подвиге ефрейтора Павла Бокарева.

Разведчики еще долго вспоминали, как Бокарев брал языков.

На масельгском направлении

В этот тихий декабрьский вечер передовая, уставшая от дневной перестрелки, отдыхала. И лишь осветительные ракеты, взлетавшие одна за другой — то с нашей стороны, то с позиций немцев, держали утомленных бойцов в напряжении: казалось, в любой момент тишина может взорваться гулом артиллерийских орудий и треском автоматных очередей…

В землянку разведчиков 290-го стрелкового полка, где старшина Таранов рассказывал отдыхавшим бойцам анекдоты, заглянул политрук Либезов. Бойцы начали подниматься со своих мест. Политрук махнул рукой, чтобы не вставали, взял чурбак, поднес его поближе к буржуйке, дышащей теплом, и тоже сел.

— Так что… что там дальше? — нетерпеливо вскрикнул красноармеец Трофимов, обращаясь к старшине, чтобы тот продолжил свой анекдот.

— А дальше, Ваня, ничего хорошего, — отозвался улыбаясь Таранов и посмотрел на Либезова. — Дальше, я думаю, нам товарищ политрук что-нибудь расскажет. Вот честное слово, по глазам вижу: что-то важное. Угадал, товарищ политрук?

— Угадали, старшина, — подтвердил Либезов, — завтра наш полк перебрасывают под Масельгскую.

— Вот так штука! — воскликнул старшина. — Где же этот населенный пункт — далеко, близко?

Он больше всего боялся всяких переходов, смен места дислокации — это доставляло ему массу хлопот. Ребятам что — взял винтовку, пулемет и шагай себе, а ему на новое место перебраться — значит, опять хозяйством да знакомствами среди тыловиков и снабженцев обзаводиться. Не шутка — целый взвод обуть, одеть да накормить!

Масельгская — железнодорожная станция, южное направление фронта, — уточнил политрук.

— А-а-а, вспомнил! — опять заговорил старшина. — У меня земляк в тех местах воюет. Рассказывал, там такая заваруха! Прямо по железной дороге траншеи прорыты. Верно ли, товарищ политрук?

— Верно, старшина! — ответил Либезов и встал. — Так что готовьтесь в путь. А комвзвода вам точнее скажет: когда, куда и зачем. — Политрук отнес в угол землянки чурбак, на котором сидел, и направился к выходу.

Политрука Николая Либезова во взводе уважали, ему верили: он никогда не ругался, не хитрил, никого не обманывал, всегда говорил правду, какой бы горькой она ни была. За глаза бойцы

называли; его Интеллигентом. До войны Либезов работал в редакции газеты «Ленинградская правда», заведовал одним из отделов. И с приходом его заметно улучшилось политическое воспитание разведчиков. Он умел убеждать партийным словом, был храбр и в бою всегда находился впереди.

Когда политрук ушел, в землянке поднялся гвалт — говорили, кричали все сразу, и было непонятно, радовались бойцы передислокации или наоборот. Уже дважды менялись караулы, а в землянке прокуренной до невозможности, продолжали обсуждать новость, сообщенную политруком. И лишь за полночь разговоры постепенно стихли, все угомонились и улеглись спать, доверившись проверенной жизнью поговорке: утро вечера мудренее…

А утром 5 декабря разведвзвод младшего лейтенанта Дубровина, как и другие подразделения 290-го стрелкового полка, погрузился в эшелон и отправился на новый участок фронта, где к тому времени складывалась неблагоприятная для нас обстановка.

Немецко-финское командование, сосредоточив в районе станции Масельгская Кировской железной дороги большое количество войск, под прикрытием авиации предприняло новое наступление. Фашистам удалось прорваться к разъезду Быстряги. Создалась реальная угроза выхода противника в тыл наших войск. 290-й стрелковый полк майора С. И. Азарова, едва выгрузившись из теплушек, сразу же вступил в бой с передовыми частями врага и через несколько дней совместно с другими полками 186-й дивизии при поддержке танков и артиллерии отбросил противника на 7 километров от станции. Потом началась ожесточенная схватка за село Великая Губа.

Взводу разведки Дубровина было приказано захватить ночью поселок и разгромить размещенный там гарнизон противника. Захватив с собой бутылки с горючей жидкостью, бойцы незаметно подобрались к поселку и по сигналу красной ракеты начали забрасывать бутылками дома, в которых разместились захватчики. В этом скоротечном бою взвод уничтожил до полусотни финских солдат. С нашей стороны потерь пока не было. Но раненые были, среди них и сам комвзвода Дубровин.

В этом бою особо отличились командиры отделений Александр Киселев, Василий Иванов, рядовой Иван Трофимов, сержант Николай Гуляев, за что получили потом благодарность от командующего фронтом генерал-лейтенанта Фролова.

Но это было потом. А в ту декабрьскую ночь разведчики не спали. Они долбили мерзлую землю, рыли окопы, строили оборонительные сооружения. С перевязанной левой рукой,

обожженной вражеской пулей в бою, командир взвода Дубровин бегал от бойца к бойцу, зло повторяя одно и то же: — Быстрее, быстрее, ребята! До утра надо успеть! — Он понимал, что противник не смирится с потерей стратегически важного для него пункта и с рассветом попытается отбить Великую Губу. Он бегал от окопа к окопу, вернее — между небольших углублений, которые успели отрыть в промерзлом грунте его разведчики, и торопил — Быстрее, быстрее! Кто хочет остаться в живых, грызите землю, долбите ее. Только она вас спасет!

И разведчики долбили землю, торопились отрыть себе окопы. Обгорелые дома рабочего поселка, которые они сами поджигали, не годились для прочной обороны: из минометов финны разнесут их в первые же минуты контратаки.

Несмотря на мороз и тяжелую работу, бойцы не унывали. Старшина Таранов, отложив в сторону погнутую саперную лопатку, принялся скручивать цигарку.

— Везет нашему командиру! — проговорил он, как только Дубровин удалился. — Прошлый раз его Ванька Трофимов спас, и сейчас вот пуля-дура чуть не продырявила. Долго жить будет! — заключил старшина, затянулся глубоко несколько раз, отшвырнул в снег цигарку и вновь принялся за свой окоп.

Младшему лейтенанту Дубровину действительно пока везло. В одном из ночных поисков ему грозила неминуемая смерть: в траншее противника, куда ворвались разведчики, он не заметил притаившегося немца, который уже прицелился в него. Секунда-другая — и ему не пришлось бы больше вести взвод в разведку. Но фашиста опередил москвич Иван Трофимов, выпустивший по нему очередь из автомата. И вот сейчас пуля только зацепила руку комвзвода — он успел нырнуть за колодезный сруб, когда из-за ближнего дома блеснула огненная очередь.

Рядом со старшиной Тарановым окапывался сержант Зуев. Он тоже решил немного передохнуть и, обращаясь к Таранову, весело сказал:

— Старшина! А не пора ли тебе собирать у нас документы. Нутром чую: финны не простят нам ночной драки.

Таранов выпрямился, три раза сплюнул на снег.

— Не каркай, а то чего доброго твою красно армейскую книжку фашистам придется по почте в полк пересылать.

Зуев рассмеялся:

— А твою они себе на память оставят!

Без шуток во взводе не могли жить. Даже в самых тяжелых ситуациях, когда, казалось, было не до шуток, кто-нибудь не удержится и обязательно брякнет что-нибудь такое, что хоть стой хоть падай.

— Тихо, ребята! Интеллигент идет! — крикнул Гуляев.

Либезов разыскивал комвзвода.

— Старшина, скажите, пожалуйста, не был здесь Дубровин?

— Только что был, товарищ политрук. Вон к той хате пошел, где отделение Иванова окапывается.

— Вы тоже поглубже окапывайтесь, утром будет тяжело. Из полка сообщили, что подкрепление прибудет только к полудню.

И Либезов ушел в темноту.

— Все же странный человек наш политрук, — не переставая ковырять землю, сказал Иван Трофимов. — Всех на «вы», «пожалуйста» и прочее, культурно-вежливо… При такой-то жизни матом и то не все выразишь!

— Таких бабы сильно любят, — заметил Гуляев. Все рассмеялись.

— А тебя, Коля, бабы, видно, не очень любили, — заявил Таранов. — Ты, наверное, шибко крепким словом им про луну загибал.

Все снова рассмеялись.

Так за разговорами и работой прошла эта ночь. К утру разведвзвод полностью окопался и приготовился к отражению возможной контратаки.

Ровно в девять утра противник начал обстрел позиций разведчиков из минометов. Гул артиллерийской канонады донесся и со станции Масельгской. Немцы совместно с финскими частями предприняли новое отчаянное контрнаступление, пытаясь прорвать оборону наших войск на южном участке фронта.

Лейтенант Дубровин по плотному минометному огню, который обрушили фашисты на окопы его взвода, понял: бой за поселок будет жестоким. Отступать нельзя, и он в душе молил бога, чтобы тот помог продержаться до подхода подкрепления. «Бог богом, — тут же подумалось ему, когда закончился минометный обстрел и из ближнего леска показались первые ряды наступающих немцев, — а отделению Гуляева надо бы как-то помочь, острие атаки будет направлено на него. Но… каждый человек на счету…»

— Политрук, — сказал он залегшему рядом Либезову, — иди к Гуляеву. Не дай немцам прорваться в поселок через него!

Либезов молча поднялся и побежал на позиции сержанта Гуляева. Он добрался вовремя. Отделение вступило в бой не с немцами, а с финскими лыжниками, выскочившими на окраину поселка с левой стороны от разведчиков. По команде сержанта наши бойцы открыли по ним огонь. Либезов спрыгнул в окоп Гуляева и тоже начал стрелять из своего автомата.

Вскоре перед позициями разведчиков показались и немцы. Их

было значительно больше.

— Коля! Справа танки! — вдруг крикнул сержанту Таранов.

— Вижу танки! — хладнокровно ответил Гуляев, продолжая стрелять по финским лыжникам.

На позиции разведчиков из-за пригорка выполз немецкий танк. Раскидывая гусеницами снег, он прокладывал дорогу прятавшимся за ним солдатам.

Либезов заметался, но ни гранат, ни бутылок с зажигательной смесью у него не оказалось.

— Трофимов! Танк твой! — приказал Гуляев.

Либезов хорошо знал своих подчиненных, не раз видел их в бою, но подобные команды от сержанта Гуляева слышал впервые. Просто и хладнокровно: словно Трофимов сейчас встанет — и танк его. Но Трофимов не встал, он взял в руки две бутылки с горючей смесью и змеей выполз из своего окопа навстречу двигавшемуся танку. Пополз он, глубоко зарываясь в снег, так что видны были только его шапка да быстро мелькавшие сапоги. Когда танк почти поравнялся с ним, он резко поднялся и бросил в него одну за другой свои бутылки, затем снова упал на землю и так же быстро пополз назад.

Танк загорелся. Но не остановился. Охваченный огнем и темно-желтым дымом, он продолжал двигаться вперед, только уже вслепую, так как огненная жидкость растеклась по его броне от башни до гусениц, захватив и смотровые щели.

Большой огненной свечой он прополз по позициям разведчиков и пополз дальше — на поселок, а вслед за ним в окопы ворвались немцы. Завязалась жестокая рукопашная схватка.

Либезов прижался к стенке окопа, почти в живот Упер приклад автомата и стрелял одиночными выстрелами в набегавших на него фашистов, опасаясь попасть в своих. Но тут сильный удар выбил из его рук автомат, затем перед ним возникло острое жало стального штыка. Это был только миг! Политрук резко отклонился в сторону — и чужой штык пронзил стенку окопа. Обуянный злостью и страхом, Либезов схватил напавшего на него немца за горло и стал его душить. Не понимая почему, он вдруг закричал не своим голосом: «Гуляев, Гуляев! Где ты?!» — и душил, душил, как показалось ему, здоровенного фашиста. Повалить его на землю он не мог — не давал слишком тесный окоп. Немец хрипел, но не поддавался. Политрук, собрав последние силы, крепче ухватился за горло фашиста и начал трясти его, при этом у него непроизвольно вырвался такой трехэтажный мат, какой вряд ли когда-либо слышал сам. Так мог ругаться только старшина Таранов. Но это бессознательное

ругательство, видимо, придало силы политруку. Тут на помощь ему подоспел Гуляев и, не спрыгивая в окоп, сильно ударил немца по голове прикладом винтовки, тот сразу же обмяк и осел.

Политрук выскочил из окопа. Бой уже затихал. Остатки прорвавшихся на позиции немцев повернули назад. Но политрук еще долго не мог успокоиться, в нем никак не могла затихнуть взбудораженная ожесточенностью кровь и руки продолжали трястись.

Наконец он пришел в себя, огляделся вокруг. Бойцы понемногу собирались вместе. Возле окопов осталось более двух десятков вражеских трупов.

К политруку подошел сержант Гуляев. Помолчал. Потом достал кисет с махоркой и протянул его Либезову. Тот отрицательно мотнул головой. Сержант, свернув себе цигарку, сунул кисет обратно в карман и присел на бруствер окопа.

— А здорово вы его, товарищ политрук, — показал Гуляев на убитого немца, скорчившегося в окопе.

— Так это ж вы его, Гуляев!

— Нет, я не об этом, — ответил сержант. — Я говорю, здорово вы его матом обложили. Ты слышал, Таранов? — повернулся он к старшине.

— Да, здорово! Лучше, чем я, — подтвердил старшина и добавил — А с ними, ей-богу, без мату никак нельзя!

Все рассмеялись. Улыбнулся и Либезов.

Странное дело, еще несколько минут назад разведчики дрались не на жизнь, а на смерть, но ни у кого из них не было сейчас чувства отчаяния, растерянности. Словно присели передохнуть после тяжелой работы. Война приучила их!

Великую Губу немцы не смогли отбить. Они не раз пытались сделать это, но каждый раз вынуждены были отступить перед мужеством бойцов разведвзвода. Фашисты потеряли здесь не одну сотню своих солдат и офицеров. И наша активная оборона под Масельгской способствовала тому, что враг не осмелился больше на новое крупное наступление, он ушел в глубокую оборону. Станция Масельгская стала для противника самой крайней северной станцией Кировской железной дороги, которой им удалось достичь в 1941 году. Дальше они не прошли.

Несмотря на приказы Гитлера во что бы то ни стало захватить Мурманск, дивизия СС «Север», 2-я и 3-я горно-стрелковые дивизии немцев не смогли этого сделать. А 2-й и 7-й армейские корпуса финнов с приданной 8-й пехотной дивизией, сумевшие в конце 1941 года перерезать в районе Медвежьегорска Кировскую железную дорогу, были измотаны в непрерывных боях и

остановлены советскими войсками на станции Масельгская.

На кестеньгском направлении наши войска нанесли несколько контрударов по 3-му армейскому корпусу финнов и вынудили его перейти к обороне. Угроза прорыва здесь к Кировской железной дороге была окончательно ликвидирована.

На юге Карелии советские войска не позволили финнам соединиться с немцами и создать второе кольцо блокады вокруг Ленинграда.

В результате героических действий воинов Карельского фронта противник понес значительные потери и не смог выполнить поставленной задачи. Фронт окончательно стабилизировался, и начиная с января 1942 года ни немцы, ни финны не предпринимали здесь каких-либо крупных наступательных операций.

В 1942 году велась напряженная позиционная война с разведывательными вылазками и диверсионными налетами на стратегические объекты и укрепленные районы.

Разведка Карельского фронта начала осуществлять активные действия на всех направлениях.

Убит у разъезда

В январе 1942 года части 1-й и 8-й пехотных дивизий финской армии предприняли отчаянное наступление на группу наших войск, защищавшую станцию Масельгскую. Врагу удалось прорвать оборону у разъезда 14-й километр Кировской железной дороги. Тяжелые бои завязались на позициях подразделений 289-й стрелковой дивизии. Финны вот-вот прорвутся через наши боевые порядки, штаб 1048-го полка почти окружен. Полку следовало бы отступить на запасные позиции, но командир дивизии приказал во что бы то ни стало уничтожить вклинившихся в нашу оборону захватчиков. Из резервов была создана ударная группа. В нее вошла и рота автоматчиков старшего лейтенанта Павла Мусорина.

Бойцам ударной группы предстояло контратаковать противника у озера Коммунаров, где сосредоточились танки противника. Роте П. Мусорина было приказано прорваться к высоте Придорожной, разгромить укрепившуюся на ней финскую артиллерийскую батарею и удерживать высоту до подхода наших частей.

Автоматчики скрытно обошли по болоту высоту и вышли к ее западному склону. Позади гремел бой, а бойцы П. Мусорина подбирались к вражеской батарее. И они почти достигли цели, как неожиданно были обнаружены финскими резервными частями, двигавшимися на помощь своим к разъезду 14-й километр.

Роте пришлось вступить в бой. Старший лейтенант приказал:

— Если мы пропустим врага, бойцы из ударной группы, наступающей левее нас, будут окружены! Ни шагу назад! Умрем, но не пропустим маннергеймовцев!

И рота не пропустила врага. Финны вынуждены были отойти на высоту, под прикрытие артиллерии. А роте П. Мусорина в связи с изменившимися обстоятельствами приказали вернуться на прежние позиции.

Бои за разъезд 14-й километр продолжались еще долго. Так и не захватив его, финны перешли к обороне.

Но с высоты Придорожной их батарея то и дело наносила удары. И командование 1048-го полка решило взять ее. Операцию по захвату поручили старшему лейтенанту П. Мусорину, так как он уже изучил местность, знал, как подобраться к вражеским артиллеристам незамеченным. В помощь роте выделили саперов, дали рацию, по которой в половине третьего ночи лейтенант должен сообщить о выполнении задания.

Ровно в 2.00 сильный артиллерийский огонь потряс высоту. И под прикрытием огня автоматчики роты П. Мусорина поползли вперед.

Старший лейтенант рассчитывал на внезапность: рота подбирается к высоте с западной стороны, как и раньше, за 15 минут до атаки наши артиллеристы прекратят обстрел, и бойцы П. Мусорина ударят с тыла.

Рота пошла тем же самым маршрутом, каким шла сюда совсем недавно. К высоте подобрались тихо, враг пока не обнаружил автоматчиков. Сосредоточились как раз в том месте, где в прошлый раз наткнулись на финнов. После того как наши артиллеристы по-настоящему обработали высоту, старший лейтенант П. Мусорин выпустил зеленую ракету, которая означала: прекратить огонь, рота пошла в атаку. Бесшумно автоматчики подобрались к финским позициям и ворвались в первую траншею, штыками добивая уцелевших вражеских солдат.

Бой был скоротечный. И, как было условлено, в половине третьего старший лейтенант по рации доложил, что высота Придорожная взята. Командование полка приказало: удержать высоту до подхода второго батальона.

Финны тоже понимали, насколько важной является высота Придорожная в захвате разъезда 14-й километр Кировской железной магистрали. Поэтому они предприняли попытку как можно скорее вернуть ее назад.

В четыре утра вражеская артиллерия открыла массированный огонь по высоте. Все вокруг было объято огнем, взрывами, дымом. Наши бойцы держались, хотя несли большие потери.

После артиллерийской подготовки враг пошел в контратаку. Вновь, завязался бой. Наиболее рьяной группе финнов все же удалось ворваться в наши окопы. Ротный Мусорин с автоматчиками Королевым, Степановым с трудом справились с прорвавшейся группой. Потом они поспешили на левый фланг, где обстановка осложнилась.

— Держать высоту! Она досталась нам в тяже лом бою! — крикнул Мусорин, продолжая стрелять по врагу из своего автомата.

Но силы были неравны. Ряды наших бойцов редели, хотя они и оказывали упорное сопротивление финнам.

Лейтенант снова связался с командованием полка.

— Противник контратакует. Силы его — до батальона. Несем потери… — доложил он обстановку.

И тут же вражеская очередь обожгла ему ноги, он упал.

Когда радист сообщил об этом командиру полка, тот приказал:

— Отходите, вы свое дело сделали.

…Покинувшие высоту остатки роты автоматчиков уже вышли из зоны вражеского обстрела. И вдруг шальной снаряд, выпущенный финскими артиллеристами наугад, разорвался рядом с бойцами, несшими своего командира…

Его похоронили недалеко от разъезда 14-й километр вместе с другими нашими бойцами, которые погибли, но не позволили финнам захватить этот стратегически важный участок нашей обороны.

По ледяному панцирю

Карельская зима вошла в силу. Почти ежедневно шел снег. Он покрывал лесные поляны, озера, болота белым покрывалом. Порой не верилось, что идет война. Но артобстрелы нет-нет да и напоминали об этом.

В один из таких зимних дней 1942 года сидели мы, разведчики 186-й дивизии, в землянке, подкладывали в железную бочку, служившую печкой, дрова. Сержант Михаил Васильченко, шевеля в бочке угли, вдруг обнаружил большой осколок от мины и зло сказал:

— Смотрите, в сухостое, который мы пустили на дрова, кусок смерти! Вот, даже деревья страдают от войны. А сколько осколков и пуль сидит в нашем брате!

Говорил он об этом не случайно. Два осколка от гранаты носил в себе разведчик. В госпитале не дал вырезать. «Сейчас не время, — заявил военврачу. — После войны сам приду, если жив останусь». Поступил он так не рисуясь, а по глубокому и искреннему убеждению. Я могу утверждать это, потому что хорошо знал сержанта Васильченко.

Родился и вырос он в Сибири. Огромного роста, плечистый, с полным, красивым лицом, он сразу обратил на себя внимание. До войны служил пограничником в Белоруссии. Был рассудителен, предусмотрителен, смел, вынослив.

Командир взвода разведки лейтенант Сукин, когда впервые увидел сержанта, подивился его могучему телосложению и сразу же захотел взять его к себе.

— Товарищ начальник штаба, — обратился он ко мне, — прошу вас, переведите сержанта Васильченко в мой взвод. У него все данные за то, чтобы быть командиром отделения у меня.

Я согласился. Через сутки Михаил принял отделение разведчиков. Учиться вести разведку ему было не нужно: три года службы в погранвойсках дали хорошую практику. Солдаты полюбили его. Васильченко показывал приемы обезоруживания врага, учил, как поймать и отбросить в сторону кинутую в тебя врагом гранату. Разведчики охотно прислушивались к наставлениям сержанта. Вскоре все это им пригодилось.

Командир 290-го стрелкового полка подполковник Азаров приказал достать языка, уточнить позиции группировки противника, расположившейся за Сегозером.

Февральской ночью разведгруппа вышла на ледяной панцирь Сегозера. Бойцы шли со всей осторожностью, зная, что вражеская разведка не раз бывала в этом районе. Когда достигли середины

озера, подул сильный ветер. Башлыки маскировочных халатов то и дело слетали с головы. По льду неслась поземка, хлестала по лицам, морозный ветер пробирал до слез.

К утру, не доходя пятисот метров до противоположного берега, разведчики залегли за высокий наносный сугроб. Место для дневного наблюдения было подходящее. Каждый сделал для себя снежный окоп, замаскировался.

Наступивший рассвет высветил окрестность. Четко обозначился берег озера, возвышенность, покрытая лесом, за ней — шоссе, по которому вскоре засновали автомашины к линии фронта.

Васильченко поднял к глазам бинокль. Увеличительные стекла окуляров притянули ближе деревянный домик, из трубы которого тянулся дымок. Вскоре на склоне сопки разведчики увидели лошадь с санями. У проруби она остановилась. Финский солдат спрыгнул с саней, взял ведро, стал черпать им из полыньи воду и наполнять бочку, установленную на санях. Оставалось предположить, что деревянное строение служило либо кухней, либо баней, а значит, ночью будет пустовать. Днем же подняться с ледяного панциря Сегозера разведчики не могли. Поэтому Васильченко с друзьями пролежали на льду до самого вечера. Разведчики, переворачиваясь с боку на бок, похлопывали себя рукавицами. Но мороз жег нещадно.

В 22.30, оставив в стороне баньку, перебрались к шоссе, по которому, освещая фарами лес, одна за другой прошли две машины. Решили брать языка здесь. Для засады выбрали участок, где дорога, взбежав вверх, метров через тридцать спускалась по склону и резко поворачивала влево. Поперек дороги положили три сухостоины, которые с трудом разыскали в лесу. Стали ждать. Но больше машин, как назло, не было слышно.

За Лисьей Губой темное небо вдруг прорезали осветительные ракеты, оставив за собой дымные хвосты. Потом северо-запад озарился красным заревом. Васильченко сказал Попову, лежавшему рядом:

— Наши. Зажигательными снарядами обстреляли Лисью Губу. Решили потревожить фашистов…

Пожар вдали еще долго полыхал, но постепенно его зарево стало спадать.

Попов повернулся к Васильченко:

— Товарищ сержант, наверно, до утра придется лежать. Финны боятся ездить ночью.

— Слушай и принюхивайся. В разведке не спеши, но и не зевай. За врагом наблюдай. Терпение и труд языка дадут, — солдатской поговоркой ответил ему полушутливо сержант.

Небо опять стало темным. Но ракеты по всей линии обороны время от времени продолжали взлетать в темноту.

— Встревожились, — проговорил кто-то из бойцов, — крепко их артиллеристы пощекотали!

Вдруг на дороге послышался шум мотора. Васильченко и Попов одновременно увидели машину. Лучи ее фар, слабые и рассеивающиеся, упали на шоссе. На подъеме водитель прибавил газу, и автомашина с ревом вскарабкалась в гору. Но, спускаясь вниз, она подскочила от сильного толчка, ударившись о бревно, затем, напоровшись на второе, съехала в сторону и, кренясь влево, повалилась в кювет. Из кузова с грохотом полетели термоса, ящики, ведра.

Разведчики мигом оцепили машину. Из кабины донеслись стоны, обрывки ругательств.

Боец Ситников, подойдя к кабине, по-фински спросил:

— Что случилось? Негодующий голос ответил:

— Помогите же открыть дверь, мы разбились!

— Да-да, пожалуйста, господин фельдфебель! — Ситников дернул дверцу кабины, а Воронов и Белоусов выволокли из нее финна. Он был пьян.

— Мы русские разведчики! Ни звука! — грозно приказал на языке врага Ситников.

Тяжело раненного шофера не трогали. Только тщательно осмотрели кабину, взяли валявшуюся сумку и сверток бумаг.

Васильченко скомандовал: «Отходим!» — и разведчики, волоча по снегу связанного фельдфебеля, стали спускаться к озеру…

Сорвали рыбалку

В конце мая 1942 года разведгруппа 67-й отдельной морской бригады возвращалась с очередного задания и случайно наткнулась на немцев, которые занимались необычной рыбалкой — глушили рыбу. Разведчики не стали пугать рыбаков, обошли их стороной. А по возвращении доложили своему командованию об увиденном.

В штабе бригады заинтересовались этим и попросили показать на карте, где немцы организовали рыбалку. Разведчики показали и кратко охарактеризовали местность: длина озера до 500 метров, ширина до 200, берега преимущественно каменистые, вокруг лес, от нашего переднего края обороны 12 километров.

Было решено проучить браконьеров, захватить языка и документы, установить часть.

Через два дня взвод разведки в количестве пятнадцати человек под командованием старшины 1-й статьи Павла Панюкова незаметно перешел нейтральную зону и, обойдя противника с фланга, вышел к противоположному берегу озера. Здесь разведчики стали ждать рыбаков. В первые сутки им не удалось обнаружить противника, и только к утру следующего дня они услышали разговор и отдельные выкрики на немецком языке. Вскоре у озера показались два вражеских солдата. Они подошли к берегу, столкнули в воду лодку и сами прыгнули в нее. Плавали немцы на лодке около 40 минут, потом причалили к берегу и скрылись в лесу в направлении своего гарнизона. Было непонятно: то ли они решили просто покататься, то ли проверяли установленные ловушки. А может, фашисты заметили их?

В бинокль Павел Панюков разглядел, где проходит линия боевого охранения противника. Фланги его прикрывались неширокими, но бурными в весеннюю пору речушками. Панюков решил остаться на месте и не прекращать наблюдения за позициями врага. Целый день и следующую ночь разведчикам пришлось лежать тихо, разговаривали только шепотом, нельзя было курить и развести костер. А комары! Сколько их в этих краях! Они не давали покоя.

Опять ранним утром на это же место, где была причалена лодка, вышли те же двое солдат, уселись в лодку и начали потихоньку грести вдоль берега. Лодка шла очень медленно.

Старшина П. Панюков передал приказ: приготовиться к захвату рыбаков.

После недолгой прогулки вдоль берега, немцы повернули на середину озера, затем остановились, переговариваясь между

собой. Но о чем говорили — понять было невозможно из-за расстояния. Знавший неплохо немецкий язык Сережа Костылев не смог уловить ни единого слова. Потом один из фашистов вдруг встал в лодке во весь рост, упер в живот автомат и дал четыре коротких очереди в сторону берега, где лежали разведчики. Огонь был неприцельный, хотя пули и просвистели над головами разведчиков, которые укрылись за валунами. Панюков подумал: «Неужели обнаружены?» Посмотрел на Костылева. Тот недоуменно пожал плечами. Никто из разведчиков так и не понял, зачем немцам взбрело в голову стрелять по кустам? Решили не отвечать огнем.

Убедившись в том, что на другом берегу все спокойно, немцы стали потихоньку приближаться к тому месту, где залегли разведчики. Они, видимо, именно здесь решили глушить рыбу. Один из них сидел за веслами, а другой возился в лодке. Потом сидящий за веслами сделал три сильных гребка, и лодка, скользнув по придонным камням, уткнулась в берег.

Фашисты были так близко от разведчиков, что те отчетливо видели их лица.

По сигналу Панюкова снайпер Ковалев сделал выстрел из снайперской винтовки в правую руку того, кто недавно сидел за веслами. И тот, охнув от боли, плюхнулся на дно лодки. Другой, почуяв опасность, выпрыгнул из лодки в воду и побежал вдоль берега, то и дело спотыкаясь и падая на мелководье.

Панюков коротко приказал: «Ильин, Смирнов — вперед!» Рядовые Ильин и Смирнов из группы захвата бросились к лодке. Остальные были готовы прикрыть их огнем в случае попытки раненого немца оказать сопротивление. Но он ничего не понимал и покорно дал вывести себя из лодки. Второго незадачливого рыбака разведчики схватили, когда тот выскочил из воды на берег и попытался скрыться в лесу.

Через некоторое время взвод был уже у своих.

Таким образом, эта операция позволила взять двух языков без потерь.

За выполнение задания командования командир взвода старшина 1-й статьи П. Панюков и разведчик С. Смирнов были награждены орденом Красной Звезды, другие — медалью «За отвагу».

Победил смерть!

В запасном полку Валентин Мартюшов не задумывался над тем, куда направят его после. «Служить можно везде, — думал он. — Главное — бить врага!»

После недолгого обучения его направили в минометную роту. В основном им, минометчикам, приходилось прикрывать разведчиков, когда те проводили разведку боем. И чем больше наблюдал он за разведчиками, тем больше убеждался, что интереснее их службы на войне нет. Да и сами они — не такие, как все. В бою смелы и отважны, в дружбе тверды и верны. И Мартюшов решил во что бы то ни стало стать разведчиком. Несколько недель эта мысль не давала ему покоя. А когда увидел однажды в разведроте земляка Анатолия Фадеева, не выдержал, подал рапорт, чтобы перевели в разведку.

— Правильно, — поддержал Валентина Анатолий Фадеев. — Что в минометной роте? Врага толком не видишь, палишь с полутора километров. В разведке с ним лоб в лоб сталкиваются. Вот где можно помериться силой!

Рапорт пошел по инстанции. А через несколько дней В. Мартюшова перевели в 293-ю отдельную разведывательную роту. И все же жаль было товарищей, к которым успел привыкнуть. Больше всего не хотелось расставаться с капитаном А. А. Еничевым. Но потом искренне удивился и от души обрадовался, когда узнал, что Еничев опять будет его командиром, только теперь в 293-й разведроте.

В начале июня 293-ю роту, которая оборонялась севернее п. Кестеньга, бросили в контрнаступление. Начались ожесточенные бои с отборным батальоном противника, который возглавлял опытный разведчик полковник Беннер. Цель контрнаступления — пресечь разведывательные действия противника на правом фланге обороны 721-го стрелкового полка.

Особенно тяжелый бой разразился 2 июня. Мар-тюшов был в группе наблюдения. Заметив фашистов из батальона Беннера, пытавшихся обойти раз-ведроту, он открыл по ним огонь из автомата. Спустя некоторое время он заметил еще нескольких немцев, ползущих в сторону наших бойцов, прижатых огнем врага у подножия безымянной высоты, — и в ход пошли лимонки.

Разведчикам пришлось туго. Тогда на помощь к ним подошел разведывательный батальон капитана Юсупова. Он с ходу атаковал фашистов и заставил их отступить.

Но фашисты не успокоились. Загремели минометы. Потом открыла сильный огонь их артиллерия.

Мартюшова ранило в тот момент, когда он подыскивал укрытие от противно воющих мин. Он видел, как содрогалась от взрывов земля. Слышал крики и выстрелы, а подняться уже не мог. Высоко над ним плыли облака, похожие на клочья ваты. Боли он не чувствовал, только к горлу подступила тошнота и, когда открывал глаза, черные крапины начинали мельтешить в них однообразной круговертью. С закрытыми глазами лежать было легче: не так тошнило, отступала жажда. И он снова закрывал глаза. Время от времени забывался. О том, что сознание пропадало, Валентин догадывался, когда вновь начинал слышать звуки боя, уже отдаленного.

Одиночество не пугало Мартюшова. Он знал, что, как бы ни кончился бой, за ним придут. То есть придет похоронная команда, чтобы собрать убитых. Вот тогда наткнутся и на него. Вопрос был только в том, на живого или мертвого наткнутся. До ее прихода надо было дожить, во что бы то ни стало — дожить!

Он боялся спать из страха больше не проснуться. И лежать так, напрягая последние силы, было бесконечно трудно.

К ночи он услышал, как заржала лошадь. «Значит, приехали», — с надеждой подумал Валентин.

Похоронная команда действительно прибыла. Но только немецкая. Это разведчик понял, как только услышал чужой разговор.

Теперь оставалось не выдать себя. Мартюшов лежал не двигаясь. Собственно, двигаться он и не мог. Его раненое тело словно прижали к жесткой земле и не было сил даже приподняться. Но стон мог вырваться в любую минуту. Фашисты ходили совсем близко, заметь они его — обязательно добьют! Но он не мог умереть. Он хотел жить. Он страшно хотел жить именно теперь, когда жизни этой ему было отпущено так мало. От мысли о том, что он может умереть сейчас, сию минуту, Валентин опять потерял сознание.

Очнулся он под утро. Слизал капельки росы с травинки. Во рту остался только пресный привкус и пить захотелось еще сильнее. Он вспомнил, что слышал немецкую речь. Ощупал себя — понял: пока жив. «Но почему они не пристрелили меня?!» Попытался приподняться и посмотреть, но поднять голову не смог и в изнеможении застонал.

Днем, когда солнце забило жгучими лучами в лицо, он понял, что за ним не придут. Ждать больше было нечего. Но молодой организм, закаленный и крепкий, не хотел подчиняться смерти. Он боролся, сопротивлялся…

Разведчик забывался, опять приходил в себя. И вдруг в один из таких моментов сквозь вязкую глухоту до него донеслось

далекое: «Ура-а-а!»

«Галлюцинации», — горько подумал он.

Но русское и до боли родное «ура!» звучало все отчетливее. Поверить в его реальность было так трудно, что он весь покрылся испариной. И прежде чем вновь потерять сознание, он понял, что жить будет!

…Воины 721-го стрелкового полка вместе с разведчиками штурмом взяли все же высоту. За одним из уступов сопки они обнаружили тяжело раненного бойца. Все документы целы. По ним и узнали, что это разведчик Валентин Мартюшов из 293-й отдельной разведроты, которая под ударами немцев вынуждена была оставить высоту сутки назад.

Помощь пришла вовремя. Бойцы положили разведчика на носилки, снесли вниз, а затем погрузили на повозку. Санитары спешили — теперь дело было за ними…

И разведчик Мартюшов выжил. Победил смерть!

Рейд на Топозеро

Командование Карельского фронта решило провести наступательную операцию на лоухско-кестеньгском направлении. Нужно было сорвать замысел врага, который вновь начал подготовку к захвату станции Лоухи, чтобы перерезать Кировскую железную дорогу, единственную магистраль, связывающую Мурманск с Большой землей. Кроме того, перед нашими войсками ставилась и другая, не менее важная задача: сковать силы противника, не дать ему возможности осуществить планируемую переброску на Ленинградский фронт пехотной дивизии.

Чтобы обеспечить успех наступления, нужно было тщательно изучить позиции немцев, разузнать их уязвимые места. Разведку боем бело решено провести в полосе обороны 67-й отдельной морской бригады. Осуществление этой операции командир бригады возложил на помощника начальника штаба бригады по разведке лейтенанта Алексея Суслова. Ему приказали подготовить отряд в составе разведывательной роты и роты автоматчиков. Поддерживать их должны были артиллерийские и минометные батареи.

Перед началом операции Суслов решил взять языка, чтобы выявить систему огня в обороне врага. В холодную апрельскую ночь разведчики, используя естественные укрытия хорошо изученной местности, проползли через проделанный в заграждениях проход и внезапно напали на дежурный пулеметный расчет немцев. Два гитлеровца были захвачены без единого выстрела.

Пленные дали ценные сведения о системе огня первых линий обороны врага. Это помогло лейтенанту Суслову разработать и осуществить наиболее верный вариант разведки боем. Но прежде чем ее осуществить, разведчики отработали взаимную поддержку и помощь в бою. Не раз на местности были разыграны атака и отход под прикрытием огневых средств поддерживающих подразделений.

Ночью отряд Суслова вышел к нейтральной полосе и скрытно занял исходное положение для атаки. Роту автоматчиков лейтенант Суслов развернул на правом фланге. Своим огнем она отвлечет внимание противника на себя. А в это время взводы под командованием Н. Прищепы и Б. Алексеева обойдут вражеские дзоты с левого фланга, третий взвод будет сковывать противника по центру, с фронта.

После артиллерийской и минометной подготовки и переноса

огня в глубь обороны противника отряд разведчиков стремительно бросился в атаку. Но вдруг ранее не известный вражеский дзот открыл огонь по обоим обходящим взводам. Атака захлебнулась. Боец Н. Ильин вместе со своим другом И. Пенияйненом, глубоко зарываясь в снег, поползли к дзоту. Через некоторое время в его амбразуру полетели гранаты. Пулемет замолк. И вновь разведчики ринулись вперед, захватили дзот и первые траншеи немецких позиций.

Оправившись от испуга, фашисты навалились на отряд. Заговорила их артиллерия, застрекотали пулеметы. Но, собственно, это и нужно было разведчикам. Они успели засечь вражеские огневые точки. Как только дело было сделано, взводный Н. Прищепа подал сигнал нашим артиллеристам: «Прикройте — отходим!» Рота автоматчиков тоже приняла сигнал и открыла ответный огонь. Разведчики отошли на исходные позиции. В результате этой операции было убито до 30 фашистов. Особо отличились в бою командир взвода Н. Прищепа, разведчики Н. Ильин, И. Пенияйнен, А. Ковалев и Н. Ковалев. Но главное — были выявлены огневые точки противника и его долговременные укрепления.

Разведотряд под командованием Суслова отлично справился с поставленной задачей. Командование бригады получило необходимые данные об обороне противника, документы, номера частей, противостоящих на этом участке фронта. Последующее наступление наших войск здесь не принесло нужных результатов, но благодаря разведчикам потери были минимальными.

Уже в сентябре 1942 года командование 67-й бригады поставило перед А. Сусловым новую задачу: уничтожить вражеский гарнизон на острове Тришкин, на Топозере. Этот остров занимал выгодное положение на левом фланге кестеньгского направления. Противник держал на нем гарнизон, который вел разведку наших расположений, корректировал огонь своей артиллерии. И этим доставлял немало хлопот.

Алексей Суслов отобрал пятнадцать наиболее храбрых и опытных воинов из комсомольцев и коммунистов. Взяв все необходимое для форсирования озера, разведчики вышли на задание.

Идти было очень тяжело. Все несли на себе — вооружение, боеприпасы, продовольствие, надувные лодки. Преодолевали болота, пробирались густым лесом.

И вот вдали, на голубой водной глади, увидели остров — цель их рейда.

Целый день в кустарнике готовились к форсированию озера. А в полночь на резиновых лодках отправились к острову.

Причалили, вышли на берег. Стояла настороженная тишина. Лишь тихое шуршание озерной волны о берег. Где именно размещается вражеский гарнизон, никто не имел представления.

Убедившись, что вблизи противника нет, лейтенант повел разведчиков в глубь острова. Долго пробирались лесом, держа наготове автоматы и гранаты. Остров по-прежнему казался необитаемым.

Наконец пулеметчик А. Ковалев, в очередной раз осмотревший окрестности с высокого дерева, доложил: «Справа вижу наблюдательную вышку!»

Суслов повел группу к вышке. Осторожно подошли к ней, но и здесь никого не было. Быстро взобравшись на вышку и внимательно понаблюдав, Ковалев сообщил, что в западной части острова виден поднимающийся вверх дым. В том же направлении уходили от вышки телефонные провода.

Значит, наблюдательный пост не круглосуточный, а гарнизон в другом месте.

— Что ж, пойдем в гости! — сказал Суслов, и разведчики двинулись к западной оконечности острова. Решили идти по проводу. Вскоре, когда вышли из густого кустарника, на противоположной стороне болота увидели три небольших сруба.

Лейтенант разделил бойцов на две группы. Одну возглавил старшина второй статьи Н. Прищепа, вторую повел сам лейтенант. Первая группа пошла в обход болота слева, а вторая — через болото прямо на срубы.

Приблизившись к избушкам, замаскировались в кустах, осмотрелись. Часовых не было видно. Гарнизон беспечно спал.

Невдалеке от одной из избушек разведчики увидели станковый пулемет. По тому, что пулеметный расчет на ночь оставляет огневую точку, лейтенант понял: вражеский гарнизон живет беззаботно. Суслов приказал Пенияйнену подползти к пулемету, развернуть его на избушки и ждать сигнала.

Как только Пенияйнен сделал это, Суслов махнул рукой: «Пошли!» Разведчики подбежали к первой избушке, и рядовой Ильин рывком открыл дверь, метнул одну за другой две лимонки. Но оттуда раздалась автоматная очередь и сразила его насмерть.

Суслов со своей группой бросился к другим домам. Разведчики ударили по ним из автоматов. Ошеломленные фашисты один за другим начали выбегать наружу. Их расстреливали в упор. Заработал и вражеский пулемет, за который залег Пенияйнен.

Едва стих огонь, из одной избы вышел с белой тряпкой в руке офицер, вслед за ним выползли уцелевшие фашисты. Пленных разоружили и повели к озеру.

Вражеский гарнизон был разгромлен. Перегруженные лодки, управляемые опытными моряками П. Василенко, Н. Ковалевым, В. Алексеевым, В. Блиновым вскоре достигли восточного берега Топозера.

Слава о рейде разведчиков 67-й морской бригады облетела все соединения и части Карельского фронта. Разведчики других соединений учились у сухопутных моряков мужеству, смекалке и отваге.

За эту операцию многие разведчики 67-й морской бригады были награждены орденами и медалями. А Николай Ильин, погибший в схватке, — посмертно орденом Ленина.

А. Суслов за период войны провел сотни разведывательных операций, которые помогали нашему командованию принимать правильные решения по разгрому и изгнанию фашистских захватчиков с территории Советской Карелии и Заполярья.

Сейчас гвардии полковник в отставке А. С. Суслов живет в городе Коврове. Часто встречается со школьниками, с трудовыми коллективами. Ему есть о чем рассказать!

Язык с Гангашвары

Командование 26-й армии приказало командиру 61-й отдельной морской бригады разведать высоту Гангашвара. Задача была не из легких, попытки других разведчиков проникнуть на эту высоту в трех километрах северо-восточнее Кестеньги, оканчивались неудачей и большими потерями.

Разведгруппу сформировали из добровольцев. В нее вошли разведчики В. Клейменов, Е. Ситников, Б. Бакланов, саперы И. Воинов, И. Белобородов, Г. Половников, Е. Айропетян, М. Кирсанов. Командиром назначили младшего лейтенанта И. Смирнова.

Два дня группа готовилась. Младший лейтенант И. Смирнов внимательно изучил местность: подходы к высоте, систему огня обороны, инженерные заграждения, режим смены постов противника.

В ночь на 28 сентября группа скрытно вышла на исходную позицию. Шел мелкий дождь, было темно, передовая противника молчала, словно там все вымерло. Младший лейтенант, убедившись, что враг их не ждет, поднял вверх руку — вперед!

Сержант И. Воинов с саперами поползли к проволочному заграждению и минному полю. Саперы, тщательно прощупав местность, сняли более десятка мин, ножницами разрезали проволоку. Разведчики один за другим тихо проползли в сделанный проход и через несколько минут растворились в ночной темноте.

Перед самыми вражескими позициями Б. Бакланов, Е. Айропетян, М. Кирсанов и В. Клейменов молниеносным броском преодолели участок в пятьдесят метров, отделявший их от фашистов, и ворвались в траншею. Сразу же бросились к блиндажу и у самого входа столкнулись с часовым. Тот, увидев разведчиков в последний момент, схватился было за автомат, но сержант Клейменов сильным ударом выбил его из рук фашиста, прижал немца к стене траншеи. Затем вместе с Айропетяном в мгновение свалили его на дно, затолкали в рот перевязочный пакет и, связав руки, вытащили на бруствер. Все это делалось молча, с каким-то злым азартом. Никто из разведчиков в этот момент не думал, что выйди сейчас кто-нибудь из блиндажа — и все может обернуться трагично. Все были заняты одним делом — быстрее и обязательно живым взять языка. Тогда не нужно будет лазить по высоте, чтобы досконально изучить ее оборону. В землянке не услышали шум борьбы. Кирсанов подтолкнул пленного: «Ганс, шнель, шнель!» — это все, что он знал по-

немецки.

Разведчики уже уползли от вражеской траншеи на достаточное расстояние, и младший лейтенант Смирнов, пропустив бойцов, оглянулся назад. «Кажется, все обошлось», — с облегчением подумал он.

Но не обошлось. Часового хватились быстро. В небо полетели осветительные ракеты, и тут же затрещали пулеметные очереди. Разведчики продолжали ползти. Скорее, скорее в нейтральную зону! И лишь Ситников и Бакланов, бойцы огневого прикрытия, остановились. Выждав момент, чтобы их товарищи отползли подальше, они открыли из ручного пулемета по вражеским позициям ответный огонь.

Младший лейтенант И. Смирнов, когда группа уже находилась в нейтральной зоне, выстрелил из ракетницы. Вверх взвилась красная ракета — сигнал для артиллерийской батареи бригады. Командир батареи старший лейтенант А. Родионов давно ждал его, и артиллеристы пришли на помощь разведчикам.

По огневым точкам врага, расположенным недалеко от разведгруппы, был открыт огонь. Десятки снарядов пронеслись над головами разведчиков и взорвались на немецких позициях.

Разведгруппа вскоре достигла переднего края нашей обороны. Через некоторое время язык был доставлен в землянку штаба морской бригады.

Вытаращив глаза и сопя, пленный в испуге озирался, с нетерпением ждал, когда наконец из его рта вынут кляп. Младший лейтенант И. Смирнов подошел к нему и вынул из его рта перевязочный пакет. Затем рассмеялся:

— Кто это додумался?!

Ответил Клейменов:

— Впопыхах перепутали. Да темно было, товарищ младший лейтенант!

Остальные разведчики тоже засмеялись.

Пленный, тяжело дыша, вдруг заговорил.

— Он просит показать, кто выбил у него автомат и скрутил руки, — сказал переводчик.

Младший лейтенант указал на Клейменова:

— Вот этот, если тебе так хочется знать…

Клейменов расстегнул фуфайку, затем отвернул ворот гимнастерки и сказал:

— Видишь тельняшку, перед тобой — моряк!

Пленный подобострастно закивал головой:

— Гут, гут!

Все опять дружно рассмеялись.

А пленный уже повернувшись к переводчику, снова залепетал

на непонятном для разведчиков языке.

Так был доставлен язык с высоты Гангашвара, за которым не раз ходили другие разведчики, но сделать этого не смогли. И младший лейтенант Смирнов, когда вышел из штаба бригады, удовлетворенно подумал: «Повезло. Видимо, бог войны на этот раз был на нашей стороне».

1943 год был переломным в боевых действиях на Севере. «Окопная война» продолжалась, но уже наметился явный перевес советских войск.

Для активных наступательных операций на Карельском фронте у немцев и финнов не хватало сил. А Карельский фронт в 1943 году пополнился новыми дивизиями, соединениями и по численности войск превзошел противостоящего врага. Одновременно наши части были перевооружены автоматическим оружием, получили дополнительно более мощные артиллерийские орудия, танки, минометы. В состав Карельского фронта была введена 7-я воздушная армия, летчики которой стали полными хозяевами неба.

Командование фронта поставило задачу всем армиям продолжать изматывать врага, не давать ему укреплять оборону, уничтожать захватчиков любыми средствами. И готовиться к наступлению. Для этих целей во многих подразделениях были созданы специальные разведывательно-диверсионные отряды, которые проводили вылазки и рейды по тылам врага, громили гарнизоны противника, вели сбор данных о системе его оборонительных сооружений, передвижении войск.

Время расплаты приближалось…

Пал смертью героя

18 февраля 1943 года командиру 3-го стрелкового батальона 61-й отдельной морской бригады было приказано: организовать группы разведчиков, обучить их действиям в непосредственной близости от позиций противника, то есть на нейтральной полосе.

В разведывательные группы были отобраны самые ловкие и смелые воины бригады, многие из них не один раз ходили в разведку, участвовали в горячих боях. В одну из таких групп вошли С. Горошников, А. Ежов, В. Добрецов, Ф. При-ходько, И. Коряков, Д. Павлкжов и А. Корниевский. Все они были комсомольцами. Старшим назначили сержанта В. Кондакова. Эти разведчики первыми вышли «на охоту».

Ночью разведывательная группа скрытно прошла свой передний край обороны в районе Топозера и окопалась на нейтралке в непосредственной близости от позиций противника.

На рассвете 19 февраля наблюдательный дозор В. Добрецова обнаружил шесть немцев, переползавших нейтральную зону. Они направлялись прямо на разведчиков.

Когда вражеские солдаты приблизились на расстояние прицельного огня, сержант В. Кондаков первым ударил из своего автомата. Было еще довольно темно, и немцы, поняв, что напоролись на засаду, повернули назад.

Как только взошло солнце, по нейтральной полосе, где залегли наши разведчики, фашисты открыли артиллерийский огонь, который продолжался более часа. Потом, чтобы отрезать отход разведгруппы, вражеские артиллеристы перенесли огонь ближе к нашей передовой. Он был настолько плотен, что преодолеть такой заслон было невозможно. А тем временем более взвода немцев двинулись на разведчиков. С криком «Рус! Сдавайся!» фашисты устремились в атаку. Моряки, подпустив их ближе, встретили огнем из автоматов. Пошли в ход и гранаты. В эти напряженные минуты командир разведгруппы сержант В. Кондаков, переползая от одного разведчика к другому, подбадривал их:

— Бейте фашистов! Моряки не отступают! — И обязательно добавлял — Стрелять прицельно, беречь патроны!

В этом бою отвагу и храбрость проявил Василий Добрецов. Он занимал позицию в некотором отдалении от остальных, на правом фланге. Несколько раз фашисты пытались прорваться через него, но метким огнем из своего ППШ Добрецов заставлял их зарываться в снег.

Однако немцы продолжали наседать. Вася Добрецов вел бой

до последнего патрона. Он был тяжело ранен в грудь и уже истекал кровью, когда несколько вражеских солдат подобрались к нему совсем близко.

Чтобы не даться живым в руки фашистов, отважный моряк последними усилиями снял с ремня гранату, подложил под себя, развел усики чеки и вложил палец в кольцо. Когда фашисты бросились на него, Василий выдернул чеку — и последовал сильный взрыв…

Бой продолжался. Ожесточенный бой. Разведчики не сдавались. Наконец на помощь пришли бойцы из разведроты бригады, возглавляемые начальником разведки штаба капитаном А. В. Руса-виновым. Они с марша вступили в бой.

Помогли и наши артиллеристы. Командир артиллерийского дивизиона капитан А. И. Аверьянов приказал открыть огонь по наседавшим немцам. И хотя это было очень рискованно — можно попасть в своих, — иного выхода не было. С визгом полетели снаряды в немцев, столбы дыма и снега зависли над нейтральной зоной.

Враг дрогнул, начал отползать назад. Разведчики поняли, что теперь они спасены. А когда услышали громкое «ура» подошедших на помощь, сами бросились в контратаку.

В. Кондаков, поднявшись во весь рост, крикнул: — Братцы мои, разведчики! У кого еще остались патроны — бей гадов!

Вскоре бригадные разведчики соединились с разведгруппой сержанта В. Кондакова.

За этот бой, за проявленный героизм матрос Василий Добрецов был посмертно награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

О его подвиге узнали во всех подразделениях 26-й армии Карельского фронта, а бойцы 61-й отдельной морской бригады, в составе которой воевал герой, поклялись отомстить за него.

Высота Беленького

Наконец-то наступило долгожданное лето 1943 года. После затяжной и холодной весны оно пришло в окопы ярким солнцем, которое несколько дней подряд отогревало опаленную землю передовой. Зазеленели леса, болота окрасились разноцветьем неприхотливых растений, а на выступающих кочках зацвели клюква и брусника. Природа торопилась взять все, что можно взять от скоротечного северного лета. Но и в этом море зелени то тут, то там вспыхивали пожары, вздрагивали от взрывов цветущие болота, падали, сраженные снарядами, молодые сосны и ели. Война была неумолима!

С наступлением лета усилились военные действия противоборствующих сторон. Фронт гремел, гудел, горел…

61-я отдельная морская стрелковая бригада занимала оборонительные позиции напротив пунктов Сенозеро, Шапкозеро, Окунева Губа, где располагались немецкие гарнизоны. Из них фашистская войсковая разведка стала все чаще и чаще выходить к нашей линии обороны и порой весьма ощутимо беспокоить батальоны, находящиеся на передовой. Особенно активизировались разведподразделения дивизии СС «Север» и 7-й горно-стрелковой дивизии немцев.

Наше командование решило воспрепятствовать вражеской разведке и взять инициативу в свои руки. Командующий войсками 26-й армии приказом от 27 июля 1943 года поставил задачу: силами разведывательных групп и подразделений усилить боевые действия на фронте — вскрыть оборону фашистов, их систему огня, инженерных заграждений.

Выполняя этот приказ, командир 61-й отдельной морской бригады подполковник А. П. Барышников принял решение создать отряд из подразделений 4-го специального разведывательного батальона И. И. Беленького. Он же был назначен командиром этого разведотряда.

Отряд состоял из четырех групп: прикрытия (17 человек, вооруженные автоматами и ручными пулеметами) под командованием старшего лейтенанта А. И. Бредехина; подавления (55 человек) под командованием капитана К. А. Прокопенко; нападения и захвата пленных (39 человек) под командованием капитана Г. А. Штейна; резерва (48 человек) под командованием старшего лейтенанта А. А. Кузьмина.

…Весь день Беленький размышлял над тем, как взять языка.

— Товарищ подполковник, разрешите обратиться? — подошел к нему старший лейтенант Бредехин, прикладывая руку

к козырьку.

— Я слушаю вас, — ответил подполковник.

— Мои ребята видели немецкий патруль на оленьей тропе у озера Аштахма, — сказал старший лейтенант. — Его легко взять. Организовать засаду — и взять!

— Дело говорите, старший лейтенант! Будем брать!

План действия одобрил начальник штаба бригады подполковник Д. Т. Гончаров, а командир бригады утвердил его. Действия разведчиков в случае необходимости обеспечивались поддержкой артиллеристов и минометчиков.

Ночью отделение сержанта Палагина перехватило немецкий патруль на оленьей тропе. Фашисты не успели даже поднять стрельбу — настолько умело сработали разведчики. Одного из них, самого здорового, Палагин вынужден был прикончить ножом, а троим скрутили руки и доставили к своим.

Пленные дали показания, это впоследствии значительно облегчило проведение операций в тылу врага.

10 августа личному составу отряда выдали продовольствие на 5 суток, патроны, гранаты, перевязочные пакеты. В 22 часа отряд в полном составе вышел на выполнение задания.

Над рекой Елеть опускался туман, кругом стояла мертвая тишина. Не было слышно ни криков, ни выстрелов. И казалось, что и природа, и враг притаились и наблюдают, как разведчики подбираются к намеченной цели.

В 6 часов утра, когда отряд благополучно достиг озера Аштахма, подполковник И. И. Беленький собрал командиров групп и поставил им боевую задачу. Старший лейтенант А. И. Бредехин и капитан Г. А. Штейн получили задание выступить в район расположения немецких гарнизонов, которые находятся на восточном берегу озера Копанец, вызвать на себя огонь противника, завязать с ним бой и завести его в ловушку.

Группе капитана К. А. Прокопенко и взводу, вооруженному 50-миллиметровыми минометами, подполковник приказал выйти на оленью тропу между озерами Аштахма и Нижнее, организовать засаду.

— Связь поддерживать парными связными, донесения присылать через каждые два часа! — добавил подполковник и пожелал всем успеха.

В 20.00 группа старшего лейтенанта А. И. Бредехина подошла вплотную к немецкому гарнизону, расположенному северо-восточнее просеки № 2. Но только разведчики приблизились к немецкому дзоту, как были обнаружены и обстреляны. В ответ сразу же застрочил из своего ручного пулемета Г. Сальников. Чтобы вызвать более активную деятельность противника,

разведчики открыли огонь из автоматов. Завязалась огневая дуэль. Она длилась около 20 минут, потом наши бойцы перебежками начали отходить, выманивая противника.

Заминировав тропу на просеке, разведчики быстро двинулись на восток. Немцы начали преследование. Они увлеклись погоней, забыв о всех предосторожностях, и вскоре послышался взрыв, потом другой. Фашисты подорвались на минах, поставленных саперами А. И. Бредехина на просеке. Охота преследовать у них сразу же прошла.

Старший лейтенант А. И. Бредехин понял это и повел своих разведчиков на восток, к озеру Аштахма, как и было предусмотрено планом. Затем через связного доложил командиру разведотряда обстановку. Последний приказал: находиться в засаде и ждать выхода немцев для патрулирования западного берега реки Елеть.

Подполковник И. И. Беленький не ошибся в своем предположении: события развивались так, как и нужно было разведчикам.

В 7 часов утра на тропе, ведущей к реке, появилась большая группа немцев и двинулась на северо-восток, как раз в промежуток между засадами групп старшего лейтенанта А. А. Кузьмина и капитана Г. А. Штейна. Сержант Тимофей Палагин, находясь в секрете, обнаружил немцев, которые осторожно шли, присматриваясь к каждому кусту.

Когда гитлеровцы подошли на верный выстрел, прозвучала команда А. А. Кузьмина: «Огонь!» Разведчики ударили по фашистам из всех видов оружия.

Ошеломленные внезапной стрельбой немцы заметались, бросились уходить в сторону озера Аштахма. Но там их ждали группы старшего лейтенанта А. И. Бредехина и капитана Г. А. Штейна. Они отрезали немцам путь к отходу и тоже вступили в бой. По всему лесу затрещали автоматы, застучали ручные пулеметы, один за другим послышались взрывы гранат. Гитлеровцы оказались в огненном мешке.

Немецкие офицеры начали искать выход из окружения. Попытались пробиться в Северном направлении, но здесь их встретили бойцы отделения сержанта Е. Троицкого. Они подпустили врага на близкое расстояние и стали забрасывать его гранатами. А минометчики лейтенанта В. Воронова открыли по фашистам меткий огонь из минометов. Вражеские солдаты метались от валуна к валуну, но нигде не находили спасения от мин.

В разгар боя с гитлеровцами радист А. Яковлев перехватил радиограмму из немецкого гарнизона, в которой окруженным

фашистам приказывалось выходить за реку Елеть, на восток. Радист сразу же доложил о перехваченной радиограмме подполковнику И. И. Беленькому.

Командир отряда принял сообщение во внимание, усилил наблюдение за этим районом.

Через некоторое время старший сержант И. Шацкий обнаружил первых переправляющихся гитлеровцев. Медлить было нельзя. И с восточного берега реки Елеть разведчики начали уничтожать переправляющихся гитлеровских вояк.

Кольцо окружения сжималось и сжималось. Однако фашисты продолжали упорно сопротивляться. Подполковник И. И. Беленький, видя, что настало время прижать противника к реке и уничтожить его, подал сигнал на общую атаку. Все группы разведчиков дружно поднялись и пошли на врага. Фашисты в панике бросились к реке Елеть, но здесь напоролись на мощный минометный заслон. Это был конец! Оставшиеся в живых немецкие солдаты побросали оружие и подняли вверх руки.

Четко действовал в бою санинструктор Т. Петров. Он бросился в рукопашную, защищая раненых, а затем развернул автомат и короткими очередями расстрелял несколько фашистов.

Особенно мужественно сражались отделения разведчиков под командованием Е. Троицкого, А. Сироткина, И. Шацкого, Г. Сальникова, И. Гудзя. В самых ожесточенных схватках пример стойкости и героизма проявили сержанты Т. Палагин, Г. Захаров, Н. Шамилин.

Немцы стали охотиться за разведчиками И. И. Беленького. Не раз они подбирались к высоте Огурец, на которой держал оборону разведывательный отряд, но каждый раз получали по заслугам и уходили ни с чем, оставляя убитых.

Но однажды, уже осенью, им все же удалось выследить разведчиков. 12 октября подполковник И. И. Беленький, возвращаясь с задания, вел на свои позиции отряд. Разведчики после долгого пути были утомлены, торопились скорее добраться до своих. Вот уже и река Елеть — знакомые места, где больше месяца назад они разгромили фашистов. Никто из них даже не подумал, что именно здесь немцы могут устроить им засаду.

Только успели разведчики перебраться на другой берег, как из прибрежных кустов застрочили автоматы. Местность была низинная, заросшая мхом, осокой. Укрыться от губительного огня гитлеровцев было негде. И отступать нельзя — позади река. Но разведчики не дрогнули, смело вступили в неравную схватку с врагом.

Подполковник И. И. Беленький, быстро оценив обстановку, понял, что только решительный бросок вперед позволит им

остаться в живых. Пусть не всем, но это единственный выход из создавшегося положения!

Подполковник встал, вскинул свой автомат:

— За мной! Бей фашистскую нечисть! Ура!!!

За ним поднялись все бойцы. Презирая смерть, они устремились на врага, засевшего за валунами.

Разведчики прорвались. Но в этом неравном бою был смертельно ранен их командир. Фашистская пуля сразила его, когда, казалось бы, самое трудное, опасное осталось позади. Он не успел упасть на землю, его подхватили бежавшие сзади бойцы. Подполковник, прижав одну руку к простреляннной навылет груди, другой показывал вперед. «Только вперед! Не останавливаться! Вперед!» — шептали его губы. Потом он потерял сознание. Так и не приходя больше в себя, И. И. Беленький скончался на руках у своих боевых товарищей.

Разведчики вынесли его тело с поля боя и доставили в свой гарнизон…

В память о командире специального разведывательного отряда высоту, которую долгое время защищали разведчики, бойцы назвали его именем. И пока в этих местах шли бои, пока не были изгнаны фашисты с карельской земли, с высоты Беленького еще не раз ходили в тыл врага и громили гитлеровцев его боевые друзья.

Разведчик-корректировщик

У разведчика-наблюдателя Виктора Колесова опыта было немного. Но было у новичка то, что сразу выделяло его, — пытливость, наблюдательность, особая зоркость глаза. Эти качества подсказывали ему чаще всего правильные решения. Уже в первых боях Виктор сумел показать себя. Он находил места, удобные для наблюдения, по неуловимым деталям определял, где находятся огневые точки врага и со своего наблюдательного пункта давал нужные и точные координаты. Не было у Колесова замечаний от командира. Недостающий опыт восполняли добросовестность, старание, обостренное чувство ответственности.

От боя к бою приходили и опыт, и навык, и умение. В 186-ю стрелковую дивизию он прибыл уже грамотным разведчиком. Это было в июне 1943 года. На кестеньгском направлении в ту пору шли упорные бои. Артиллерии отводилась особая роль. На бойцов батареи, в которой служил Колесов, смотрели с надеждой. Они подавляли огневые точки противника в районе озер Сенозеро, Копанец, Нижнее, Елеть.

Перед очередным боем Виктор выбрал себе наблюдательный пункт. На сей раз это была сосна на опушке леса. С высоты дерева хорошо просматривался передний край немцев. Он смотрел в бинокль. Увеличительные стекла окуляров притянули к глазам все, что было скрыто расстоянием. О расположении дзотов, окопов доложил командиру батареи и приготовился к корректировке огня. Контрнаступление одного из батальонов 186-й дивизии должно было начаться с часу на час. Ждали атаки и двое связистов, которые недалеко от него проверяли связь.

В 8 часов 30 минут получили команду приготовиться. А через минуту грохнули залпы наших батарей. С шипением полетели снаряды в сторону фашистской обороны. Взрывы вздыбили там землю, подняли вверх столбы огня и дыма. Колесов, не отрывая глаз от бинокля, следил за полетом снарядов. Сейчас вокруг ничего не существовало, кроме свистевших над ним снарядов и взлетавшей вверх земли на позициях немцев.

— Перелет 100! — кричал он в трубку телефонного аппарата.

Снова летели снаряды. Колесов видел, что цели не поражены. Разрывы происходили в овражке, за линией окопов противника, оттуда поднимались сизые дымки. Он подавал новую команду.

Грохнула следующая серия залпов. Виктор увидел, как забегали серые фигурки, и понял, что снаряды угодили в цель.

— Цель поражена! Беглым — огонь! — опять передавал он на

нашу батарею.

За час артиллеристы разбили четыре дзота, два наблюдательных пункта, разрушили окопы и траншеи фашистов.

После артподготовки стрелковый батальон смело поднялся в атаку.

Потрепанные и перепуганные фашисты оставляли свои окопы и бросались бежать. Но Колесов обнаружил их отход, передал артиллеристам координаты. И вновь полетели огненные подарки в сторону прорыва. Взлетавшая и вновь оседавшая земля погребала под собой немцев.

Виктор слышал, как несколько раз, словно злые осы, просвистели мимо него пули, чиркнули по веткам сосны. Нетрудно было догадаться, что немцы обнаружили его и пытаются снять с дерева.

Один из вражеских снайперов не промахнулся. Виктор вдруг почувствовал, как обожгло левую руку. Он вскрикнул от боли, понял, что ранен, и крепче обхватил ствол сосны. Но тут поблизости раздался взрыв, его сорвало с дерева на землю. Однако он не выпустил из руки телефонной трубки.

В голове шумело. Открыв глаза, он посмотрел на небо: облака как-то странно ходили то вправо, то влево. Он понял — оглушило взрывом.

С батареи долго не могли дозваться своего корректировщика. Наконец, придя в себя, Виктор доложил:

— Оглушило взрывом!

— Командир приказал покинуть пост!

— Перенесите огонь на сто метров правее! — ответил Виктор.

Сержант Колесов так и не ушел с поста. Через несколько дней о поступке Виктора знала вся дивизия. О нем рассказала газетная статья «Отличный разведчик-корректировщик В. Г. Колесов». В корреспонденции говорилось о мужестве и чести воина, о приобретенном за время службы опыте.

Теперь Колесова посылали на самые сложные участки. То с дерева, то из какого-нибудь окопчика или воронки вел он разведку и корректировку, подавал на батарею точные координаты, и наша артиллерия открывала меткий огонь по указанным им целям.

…Сибиряк Виктор Гаврилович Колесов живет в Новосибирске, ведет большую военно-патриотическую работу, много рассказывает молодежи о подвигах артиллеристов в годы войны на Карельском фронте

Хотите верьте — хотите нет

После ужина в землянке разведроты 577-го полка собрались бойцы и, как часто бывает перед отдыхом, завели разговор о своем военном житье-бытье. К ним в гости пришел разведчик-переводчик Янкель Вахтерман, который умел повеселить всех.

— Александр Борисович Савинов прибыл в наш полк в апреле 1942 года и был зачислен в отдельный лыжный батальон, в разведывательный взвод. Потом наступили боевые дни. Разведчик Савинов в боях показал себя смелым и отважным солдатом. Через самое короткое время ему было присвоено звание сержанта, и так он стал командиром отделения взвода разведки, — рассказывал бойцам об их сержанте Вахтерман. — Командуя отделением, сержант Савинов выполнял трудные и сложные боевые задачи — действовал в тылу врага и участвовал во многих боях…

Все засмеялись.

— Как в газетах пишут! — заметил молодой ефрейтор и махнул рукой. — Так можно и про меня. Ты нам что-нибудь такое, ну… про что поверить нельзя.

А я вам и рассказываю как раз про то, во что сам не верил, если бы самолично не допрашивал пленных, прежде чем отправить их куда надо.

— Ну давай, Янкель, рассказывай! — разом встрепенулись солдаты.

— А вы не перебивайте, слушайте, — ответил Вахтерман. — Так вот… Наш майор Черных послал как-то в разведку Саню и его ребят, а перед тем дал последнее напутствие: «Командование 26-й армии очень интересуется гарнизоном, расположенным в поселке Зашеек, надо узнать, какие части занимают его, численность, чем занимаются? В бой по возможности не ввязываться. Получше все разведать, удостовериться, с хорошими сведениями возвратиться. Ну а если удастся — языка прихватите. Желаю вам, боевые разведчики, счастливой дороги…»

Разведотряд, в котором был наш Савинов со своими ребятами, двинулся и скрылся в лесу… Каждый шел с двухпудовым грузом за плечами. Днем больше отдыхали, ночью шли — прохладнее и безопаснее. Шли со строгим соблюдением всех правил разведки. Впереди головной дозор, за ним — весь отряд во главе со старшим лейтенантом Русиновым

Не доходя пяти километров до Зашейка, Русинов приказал остановиться. Организовал отдых, охрану, наблюдение. Двоих с сержантом Савиновым послал ближе к поселку для наблюдения. Облюбовал Саня со своими товарищами на опушке леса хороший

кустарник, замаскировался и начал вести наблюдение. Долго ли, коротко ли, но вот увидели они, что фашистские офицеры и солдаты стали резаться в «козла» под открытым небом — в домино, значит. Хохочут. Проигравшие лезут под стол и умоляют играющих потише стучать по столу. У Савинова и его разведчиков все больше и больше возбуждался интерес сыграть с немцами партию в домино и загнать их под стол. Но сделать это было никак нельзя: игроков у противника слишком много, да и зрителей с их стороны предостаточно — то тут, то там. Одни на озере рыбу ловят, другие поблизости охотятся. Пришлось разведчикам аккуратно вернуться назад, чтобы позвать на помощь весь отряд…

— И что ж из этого вышло? — улыбаясь пере
спросил Сергопольцев, участвовавший в этой операции.

— Вот об этом мне рассказал уже Отто Вагнер, которого взял во время охоты Савинов, — сказал Янкель Вахтерман и продолжил — В то роковое утро Отто вышел в лес рано, решил проверить свои силки на дичь и к завтраку вернуться в гарнизон. Вокруг тишина, с озера тянуло прохладой.

Идя по ягоднику, он вдруг услышал тихий свист. Мурашки побежали по спине горе-охотника. Отто обернулся на свист, а в это время сзади чьи-то сильные руки обхватили его и опрокинули навзничь. Он хотел было закричать, но только разинул рот, как ему запихнули кляп, тут не только кричать, дышать стало нечем. Эти же сильные руки подняли его, встряхнули, и Отто увидел трех человек в маскхалатах. Он, конечно же, догадался, что перед ним советские разведчики. Это Саня со своими ребятами, после того как не удалось сыграть в домино, наткнулся на Отто Вагнера.

— Ну, в общем-то забавно, только большой олух этот Отто, — усмехнулся тот же самый молодой ефрейтор.

А вот еще один случай, который характеризует нашего уважаемого Александра Борисовича как самого толкового разведчика, — вошел в роль Янкель Вахтерман. — К. ак-то у некоего Ганса Мюллера, из кестеньгского гарнизона, заболели зубы. Все вы знаете, как плохо, когда болят зубы. А Ганса уже несколько дней мучила сильная зубная боль. Мюллер не находил себе места. Особенно в ту ночь. Когда его камрады крепко заснули, Ганс перепробовал все средства, но ничто не помогло. Прошагал из угла в угол всю ночь, а боль не утихала. Хоть на стенку лезь! Тогда он решил: надо к врачу. Но как добраться до госпиталя, который располагался в четырех километрах от

Кестеньги? Да тут еще приказ начальства, запрещающий ходить в одиночку, тем более ночью. Мюллеру бы на автомашине ехать, да где ее взять? А зубы нещадно стреляли, щека опухла, сил больше нет! «Была не была!» — решил он и, подвязав вздувшуюся щеку шарфом, пошагал в госпиталь.

Ничто не нарушало предутренней тишины, ни один посторонний звук не потревожил идущего в напряжении Ганса. Думал про себя: «Все каких-то партизан видят в лесу, это за 30 километров от фронта! Через фронт не только партизан, мышь не проползет!» Шагал он быстро, стучал по дороге сапогами громко. А в это время… вот этот Боря, — показал Вахтерман на Сергопольцева, — вместе с Сашей Савиновым преспокойненько ждали бедного Ганса, спрятавшись у дороги между гарнизоном и госпиталем. Разведчиков удивило, что идущий в такую рань немец ухватился за правую щеку, будто его кто-то побил. Жалко, конечно, Ганса, но ведь эти верзилы не знали, что у человека зубы болят…

Землянка разразилась смехом.

— Как потом рассказал мне на допросе досто-почтенный камрад Ганс Мюллер, если бы он знал, что русские мерзнут из-за него у дороги, сам бы выдернул себе все зубы!

Разведчики опять схватились за животы.

В это время в землянку вошел командир разведроты старший лейтенант Русинов, а с ним и сержант Саша Савинов.

— Всем отдыхать! В двадцать три ноль-ноль выходим! — приказал он. И добавил — Что глотки дерете? На этот раз работенка будет не из легких…

Но не сказал, какая конкретно работенка предстояла разведчикам. Однако все знали: раз капитан употребил слово «работенка» — значит, быть разведке с боем.

21 июня 1944 года войска южного крыла Карельского фронта перешли в решительное наступление. 7-я армия успешно форсировала Свирь и к вечеру 25 июня овладела Олонцом. Подразделения 310-й, 18-й, 272-й, 114-й стрелковых дивизий, а также 98-й и 99-й гвардейских дивизий после упорных боев 10 июля штурмом взяли Питкяранту.

Одновременно с войсками 7-й армии успешно повела наступление на медвежьегорском направлении 32-я армия, освободившая 23 июня Медвежьегорск, а 28 июня — Кондопогу. 28 июля был освобожден Петрозаводск.

Успешно наступали части 176-й стрелковой дивизии, которые 21 июля вышли к государственной границе с Финляндией.

5 сентября начались боевые действия 19-й армии на алакурттинском направлении. Оборона противника здесь была взломана бомбовыми ударами авиации и артиллерийским огнем. 14 сентября 122-я стрелковая дивизия овладела поселком Алакуртти и совместно с частями 104-й стрелковой дивизии в конце сентября вышла к государственной границе.

15 октября наши войска захватили Петсамо — основную военно-морскую базу немцев на Крайнем Севере, перешли границу с Норвегией и штурмом овладели Киркенесом.

Тысячи и тысячи советских воинов отдали свои жизни в жестоких боях с врагом. За мужество и отвагу 145 воинов Карельского фронта были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Среди них — немало разведчиков.

В боях под Питкярантой

«Жди, мама, я вернусь! — говорил Виктор Черняев, когда уходил на фронт. — Я обязательно вернусь!»

Виктору Черняеву везло: многие из его боевых друзей за три года войны были ранены, лежали в госпиталях, а его пули обходили стороной. Может, потому, что он разведчик? Может, как разведчик он выработал в себе осторожность, «сработался» с войной и научился предугадывать, куда она пошлет свою черную стрелу?

В разведку Виктор попросился сам. Командир разведвзвода 363-го стрелкового полка П. И. Шумейко раздумывал недолго, оглядел крупного телосложения парня, похлопал по плечу и сказал: «Беру». Ему, как и многим офицерам в полку, были хорошо известны замечательные качества сибиряков: смекалка, выносливость, умение находить выход из самых трудных положений. К тому же В. Черняев перед войной отслужил действительную службу. И Шумейко не просто охотно зачислил его во взвод пешей разведки, но и назначил командиром отделения.

Первое задание было такое: проникнуть в глубь расположения противника, разведать его боевые порядки и доставить языка. Конечно, не одному, а с товарищами. Потом, когда позади будут десятки вылазок в тыл врага, десятки захваченных языков, Виктор будет уходить в разведку хладнокровно. Но перед первым выходом он волновался.

…Долго пробирались лесом. С трудом переправились через болото. По ручьям и небольшим речушкам, держась подальше от дорог и сел, вышли наконец к намеченному пункту. Пока пробирались по незнакомой местности и обходили топкие болота, наступил рассвет. Солнце еще не поднялось из-за горизонта, но над кромкой леса уже заалела утренняя заря.

Передовые позиции врага остались позади, и теперь здесь, в его тылу, надо быть осторожным. Решили переждать. Замаскировались в кустарнике и из засады стали наблюдать за дорогой.

Не прошло и часу, как они услышали мелодичный свист. А еще через несколько минут на дороге появился финский офицер, рискнувший сделать утреннюю прогулку довольно далеко от своих. Его и взял Черняев. Все было сделано без лишнего шума. Вражеский офицер даже не успел сообразить, в чем дело, как ему скрутили руки и в рот засунули кляп.

Пленный оказался штабным работником. От него получили

немало ценных сведений о положении дел в финской дивизии, державшей здесь оборону, узнали расположение резервов, запасных оборонительных позиций, места нахождения штабов финских полков.

Потом были новые вылазки на вражеские позиции. Счет боевым операциям сержант Черняев не вел: все они были важными и необходимыми.

Но вот наступили самые горячие дни. 21 июня 1944 года войска 7-й армии начали мощное наступление по всему фронту. 363-й стрелковый полк, в котором служил Виктор, должен был участвовать в форсировании Свири.

На отделение Черняева возлагалась задача, выполнение которой, как сказал командир полка, равнозначно подвигу. Разведчики должны были первыми переправиться через реку, обнаружить огневые точки финнов, постараться подавить их и любой ценой удержаться на захваченном пятачке. Даже если цена эта — собственная жизнь.

Рано утром началась артподготовка. На вражеском берегу от взрывов то и дело дыбилась земля, дым плыл над полем, стелился над водой. Когда в небо взметнулась ракета — сигнал к наступлению, — Виктор с двумя бойцами, оттолкнув от берега лодку, прыгнул в нее. Вот где пригодилась физическая сила сибиряка! Скрипя уключинами, лодка рывками продвигалась вперед. Оглядевшись, Виктор увидел на реке множество других лодок с нашими бойцами.

Счет шел на секунды. Тут же застучали с вражеского берега пулеметы. Над головами заметались огненные трассы, забурлила от пуль вода. Ухнули минометы, угрожая превратить лодки в древесное крошево. Сержант напрягал последние силы. До берега оставались считанные метры… Многие лодки его не достигли — изрешеченные пулями, они затонули.

Черняеву пока везло. Ткнувшись носом в ил, их лодка остановилась. Разведчики быстро выскочили на берег, залегли и ударили из автоматов по врагу. Они должны были выжить в этом аду и удержать плацдарм! Даже умереть сейчас, не дождавшись десанта, они не имели права.

Десантники еще выпрыгивали из лодок, а Виктор с товарищами уже резал проход в проволочном заграждении. Впереди — минное поле. Финский пулеметчик не давал им поднять головы. Светящиеся пулеметные трассы секли по полю, гулко ухали минометы. «Нужно вперед! Только вперед! — стиснул зубы сержант. — Иначе нас смешают с землей!» Черняев поднялся, взмахнул рукой, приказывая следовать его примеру, побежал.

Впереди взметнулись комья земли — разорвалась мина. Но сержант продолжал бежать. Во рту пересохло. Язык стал шершавым. Сейчас бы полежать немного, переждать. Но он бежал к дзоту, откуда остервенело бил финский пулеметчик. Вот дзот уже совсем близко. Виктор на ходу достал гранату, бросил ее, а сам упал на землю. Взрыв гранаты на миг оглушил разведчика. Дым рассеялся, и он увидел: огневая точка уничтожена.

Тем временем плацдарм занимали однополчане Виктора. Через несколько часов подразделения 114-й и 272-й дивизий развернули с него наступление.

К исходу дня 21 июня 363-й полк, разгромив оборону финнов, двинулся на Свирскую Слободу…

Нелегок ратный труд разведчика. И лучшая награда для него, как и для каждого измученного войной бойца, — кратковременный отдых. За проявленную храбрость при форсировании Свири сержанту Виктору Черняеву в числе других было присвоено звание Героя Советского Союза и предоставлена возможность отдохнуть несколько суток. Но Виктор не воспользовался отпуском. «Какой отпуск, когда полк наступает?! — наотрез отказался разведчик. — После войны отдохнем!» Командир взвода молча пожал ему руку. Да и что говорить, предстояли серьезные бои, враг еще не побежден.

На подступах к Питкяранте отделению Черняева было поручено уничтожить вражеский дзот, преградивший путь бойцам. Не знал сержант Черняев, что предстоящий бой будет для него последним.

…Пулемет ударил внезапно. Разведчики бросились на землю. Стоило кому-нибудь из них поднять голову, как финский пулеметчик посылал из укрытия длинную очередь. Приходилось лежать неподвижно. Ясно, что из дзота бойцов заметили и теперь будут следить за каждым их движением. Черняев приказал четверым разведчикам открыть огонь по дзоту, чтобы отвлечь внимание врага, а сам с тремя товарищами ползком стал обходить его с правой стороны. Сержанту и его боевым друзьям удалось подкрасться к дзоту и забросать его гранатами. Но тут же по ним ударили автоматные очереди. Забили минометы, десятками взрывов вспахав землю вокруг. Врагу нетрудно было догадаться, что в огненный диалог с ними вступила маленькая горстка советских солдат, и разведчиков обложили огнем.

Разведчики сошлись лицом к лицу с вражескими солдатами в своем последнем бою.

Черняев не почувствовал боли, когда в него выстрелил из пистолета набежавший финский офицер. Он скорее догадался, что все, сердце его перестает биться…

Пять дней противник не давал вынести с поля боя погибших. А когда ночью удалось это сделать, однополчане содрогнулись — так изуродованы были минами тела разведчиков. «Только по широким ладоням да родинке я узнал своего земляка», — вспоминает боевой товарищ Черняева Рыжов.

Похоронили Виктора Черняева его земляки Смолин и Рыжов на освобожденной питкярантской земле.

В небольшом городке Алзамай Красноярского края есть улица, на которой до войны жил Черняев. Теперь она носит его имя. Там, где улица начинается, руками рабочих сооружен обелиск Герою Советского Союза В. В. Черняеву. Его именем названа в том городе и школа, в которой он когда-то учился. У входа в нее — бюст героя, установленный на средства, собранные комсомольцами.

Разведчики дальнего действия

В начале лета 1944 года для сбора данных о противнике на кестеньгском направлении были созданы специальные группы разведчиков дальнего действия. В них отбирались закаленные в боях и умеющие ориентироваться на местности солдаты.

Группы действовали в тылу врага до двух недель. Нелегкими были их походы. Передвигались в основном ночью. Ночная прохлада помогала преодолевать большие расстояния. А днем, когда солнце начинало пригревать, разведчики устраивались на отдых. Выбирали глухое место, разводили небольшой костер из сухого хвороста, чтобы не было дыма, кипятили в консервных банках чай. Через десять минут бодрствовали одни часовые — остальные спали…

Однажды разведчиков одной из специальных групп дальнего действия направили к дороге, связывающей Кестеньгу с Софпорогом, чтобы организовать здесь наблюдение. На исходе четвертых суток они дошли до реки Пундома, переправились через нее. В полутора километрах от цели решили отдохнуть. Пока подбирали место для отдыха, четверых бойцов старший лейтенант Русинов направил к дороге.

Вскоре эти четверо оказались около шоссе, которое здесь спускалось с горы, поросшей прямыми как свечи соснами. Ниже протекал ручей. Дорога просматривалась метров на триста, что вполне устраивало разведчиков.

Через некоторое время послышался шум мотора. Бойцы укрылись. На дороге показался автомобиль с цистерной. Не снижая скорости, он пронесся по мостику через ручей, взлетел на горку и неожиданно остановился. Из кабины вышел немецкий солдат, осмотрелся, потом снова сел в кабину, включи. двигатель и стал сдавать машину назад. Стало ясно что поблизости есть гарнизон, раз сюда приезжают за водой. Пока автоцистерна наполнялась, шофер прогуливался вокруг машины и не думал наверное, что за каждым его движением наблюдает четыре пары внимательных глаз.

Вскоре шофер завел машину, и она скрылась из виду. Бойцы, оставив для наблюдения Савчука и Цветкова, возвратились в свой лагерь.

…Ранним утром в немецком гарнизоне сыграли подъем. Все оживленней становилось вокруг. Уже через час в глубине леса, за спиной разведчиков, застучали топоры, завизжали пилы. А по дороге, у которой остались Савчук с Цветковым, в сопровождении вооруженной охраны прошла в сторону фронта колонна машин.

Машины были нагружены ящиками, бочками.

В десять часов к дороге бесшумно подошла смена. Пост наблюдения заняли рядовые Волков и Абрамчик.

Данные, принесенные Савчуком и Цветковым, сразу же были зашифрованы и переданы по назначению.

Как только Волков и Абрамчик залегли за кучу еловых веток, на дороге показалась большая группа фашистских солдат. Впереди шли несколько офицеров. Поравнявшись с засадой, остановились. Солдаты, не нарушая строя, сняли ранцы и устроились отдыхать прямо на дороге. Курили, изредка перебрасывались фразами. Вдруг из строя вышел солдат и направился к укрывшимся разведчикам, видимо по нужде. Волкову даже показалось, что их взгляды встретились. Сжав в руках автоматы, разведчики приготовились к бою. Но солдат, сделав свое дело, вернулся назад и молча занял место у обочины дороги. Наконец последовала команда, солдаты встали, надели ранцы и вновь тронулись в путь.

Волкову и Абрамчику не верилось, что все обошлось благополучно.

Как только фашисты скрылись за поворотом, разведчики сменили место наблюдения. Волнение не проходило. Минул час, другой, но все было тихо. Значит, немец их все же не заметил.

К вечеру, сняв секрет у дороги, вся группа разведчиков ушла глубже в тыл противника.

На одной из проселочных дорог сделали засаду. Дорога была с односторонним движением, и лишь в отдельных местах от нее отходили усы-разъезды. Бойцы вкатили на середину ее здоровенный камень и залегли. Здесь старший лейтенант Русинов решил дать бой, если враг появится на дороге. Через двадцать минут послышался гул машин. Сверкая фарами, из-за поворота показались пять грузовиков. Первая машина остановилась перед камнем. И в этот момент на дорогу по приказу командира выскочил старший сержант Савчук, подбежал к кабине и рванул на себя дверцу, чтобы без шума уничтожить шофера. Однако немец не растерялся. Выскакивая из кабины, он одной рукой ухватился за автомат разведчика, а другой нанес ему сильный удар по лицу, затем бросился бежать назад, навстречу другим машинам.

От боли у Савчука помутнело в голове. Но все же он заставил себя открыть глаза, увидел в темноте удирающего шофера, вскинул автомат и очередью сразил врага.

Сразу же загремели выстрелы из винтовок, затрещали автоматы. Разведчики расстреливали выпрыгивающих из машин немецких солдат. Ночная тьма в мгновенье озарилась факелами

горящих машин. Сильный взрыв тряхнул одну из машин, и большое яркое пламя взметнулось ввысь — это рвались снаряды, находящиеся в ее кузове.

Получилось не совсем так, как задумал Русинов, и, чтобы не было больших потерь, он решил отвести группу подальше в лес. По цепи передали приказ командира: «Отходить в лес!» Разведчики быстро покинули место боя. Отойдя на достаточное расстояние и укрывшись в безопасном месте, бойцы принялись залечивать ссадины и раны, полученные во время ночного боя. Особым вниманием был окружен Савчук, у которого распух нос, а нижняя губа была рассечена и кровоточила. Его подбадривали: «До свадьбы заживет!»

…Срок пребывания в тылу врага подходил к концу, неприятностей фашистам разведчики доставили немало. Пора было возвращаться к своим. Но старший лейтенант Русинов по собственной инициативе решил взять еще и языка. Различные варианты предлагали бойцы своему командиру. Наконец сошлись на одном, на самом простом: вспомнили, что та самая автоцистерна наверняка снова появится у ручья. Взять в плен ее шофера не составляло особого труда.

На другой день, за полчаса до появления водовоза, десять разведчиков скрытно подошли к дороге и заняли свои места — четверо с одной стороны моста, четверо с другой. Деев и Иванов засели под мостиком. Рассчитано было все до мелочей.

Однако автоцистерна почему-то не появлялась. Разведчики занервничали. Во вражеском гарнизоне уже послышались команды, крик, смех. Кто-то заиграл на губной гармошке, а водовоза все не было и не было.

Наконец, около восьми, машина появилась, но на этот раз в сопровождении трех вооруженных автоматами солдат. Видимо, нападение на колонну машин на проселочной дороге встревожило немецкое командование. Теперь о взятии языка не могло быть и речи: в завязавшемся бою невозможно будет без потерь оторваться от противника. Но как предупредить об этом Деева и Иванова? Они не видят, что обстановка изменилась. Предпринимать что-либо было поздно: автоцистерна въехала на мостик и остановилась. Шофер привычным движением пристроил шланг и включил двигатель. Старший в немецкой команде фельдфебель подошел к перилам мостика: видимо, решил полюбоваться речкой. Вдруг он в изумлении замер, увидев вылезавших из-под мостика разведчиков. Растерявшись, фельдфебель с громким криком бросился бежать прочь. Его примеру последовали другие солдаты. Еще не понимая, что произошло, фашисты старались спасти свою жизнь. Но меткие

выстрелы наших бойцов настигли их.

Лежавший в засаде Цветков заметил, как по откосу дороги, прячась, на четвереньках пробирался немец. Он, не мешкая, бросился ему наперерез. Рядом оказались Новиков и Волков. Вместе они кинулись на немца. Фашист оказался сильным и долго сопротивлялся, не давая скрутить себе руки. Кто-то переусердствовал и крепко ударил его автоматом по голове. Когда немца скрутили, он был уже мертв. Тогда разведчики сорвали с него отличительные знаки, погоны и стали отходить.

После случившегося Русинов оставил мысль о языке и решил уходить.

Обратная дорога всегда легче. Вещмешки, опустошенные за десять дней, уже не давили солдатские плечи. Зато сзади ветер то и дело доносил собачий лай. Значит, встревоженные немцы напали на их след. Бойцы ускорили шаг, все чаще и чаще переходили на бег. Вот наконец река, за которой лежала нейтральная зона. Разведчики переправились и оторвались от погони. Теперь можно было чуточку передохнуть. Они присмотрели сухую, покрытую густым брусничником полянку, выставили часовых и повалились на землю.

Но не успели бойцы выкурить по одной самокрутке, как прибежавший часовой тревожно сообщил: «Немцы!» Все схватились за автоматы, заняли круговую оборону.

Параллельно реке в их сторону двигалась группа немцев. Они были близко, но за рекой. Старший лейтенант Русинов приказал быстрее пробираться к нейтральной полосе. «И чтобы тихо!» — шепнул он бойцам, уползавшим вперед.

Над болотом, по которому ползли бойцы, появился вдруг фашистский самолет-разведчик — «костыль». Услышав шум мотора, все тесно прижались к кочкам, пережидая, когда закончится облет. А самолет все кружил, как стервятник, выслеживающий добычу. Пролетая над одной из сопок, летчик сбросил вымпел. «Значит, там нас могут ждать!» — подумал Русинов и повернул группу в обход сопки.

Не доходя до своих километров пять, разведчики обнаружили чьи-то следы, ведущие к позициям советских войск. Воины, соблюдая осторожность, стали внимательнее осматривать каждый метр пути, каждый куст. Подозрения, что впереди может оказаться враг, усиливались: то и дело находили случайно оброненную спичку, клочок бумаги, недокуренную сигарету. Пришли к выводу, что впереди — немецкая разведка. Командир группы приказал усилить бдительность. Разведчики забыли про отдых и еду. Но вскоре поняли, что здесь проходили свои. «Может быть, минеры проверяли, нет ли немецких мин на участке нашего

выхода к своим», — подумал Русинов.

Вскоре они вышли к реке Широкой, которая считалась условной границей, разделявшей нейтральную полосу, — впереди были уже наши позиции.

На другой стороне реки, которую они форсировали, разведчики присели, чтобы перед последним рывком передохнуть. Даже если немцы и решатся их преследовать дальше, то здесь на помощь придут наши артиллеристы.

Через несколько минут Русинов вновь поднял группу. Но прежде чем отдать приказ, он выстрелил из ракетницы, подавая условный сигнал, что группа возвращается из немецкого тыла и чтобы их не приняли за фашистов.

Вскоре уставших бойцов встретили дивизионные разведчики. Десятидневный поход по тылам врага закончился. Впереди были новые походы…

Разгром наемников

На правом фланге обороны 26-й армии в межозерном дефиле Сенозеро — Копанец — Елетьозеро ей противостоял прочный оборонительный вражеский рубеж, состоящий из двух опорных пунктов. Они оборонялись в основном наемниками Гитлера — норвежскими фашистами, которые на высотах Обрывистая и Безымянная отрыли глубокие траншеи, соорудили добротные землянки, дзоты, оборону опоясали колючей проволокой, наставили противопехотных мин. Наемники считали, что к ним теперь сам черт не пройдет. А из своего гнезда нет-нет да и устраивали вылазки на наши позиции.

Но они недооценили советских воинов. Командование 26-й армии для борьбы с норвежскими наемниками выделило четыре специальных батальона, которым была поставлена задача парализовать разведывательные действия противника и в конечном итоге захватить эти стратегически важные высоты: для предстоящих наступательных операций они были большим препятствием на пути наших войск, прикрывали выход на дорогу, ведущую на Окуневу Губу и Кестеньгу.

Советские разведчики постепенно выявили систему обороны противника и численность вражеских гарнизонов — до 1000 солдат и офицеров. У наемников было особое снабжение, они служили Гитлеру за деньги, были вооружены автоматами, минометами. Их поддерживала из глубины дальнобойная артиллерия.

Фашисты с высоты Обрывистая далеко просматривали местность на восток и юго-восток. А с севера к высоте прилегало непроходимое болото, и наемники считали, что его невозможно преодолеть.

Однако разведчики отыскали места проходов через это болото к главному вражескому опорному пункту. Чтобы исключить случайности, которые могли возникнуть при переходе через болото, было решено проложить в местах прохода настилы из бревен. Лес рубили за три километра от болота, затем по ночам бойцы таскали бревна на себе и мостили себе дорогу к вражескому гарнизону.

Устройство гатей подходило к концу. На следующую ночь разведчики должны были перейти болото и вплотную выдвинуться к высотам. Но тут произошел нелепый случай, из-за которого чуть не сорвалась вся операция. Рядовой Алексашкин, только что вернувшийся с боевого охранения, устраивался для отдыха в замаскированном в кустарнике шалаше.

Переворачиваясь с боку на бок, он нечаянно запалом одной из лежавших у него в кармане гранат выдернул чеку другой. Когда он понял, что произошло, его словно током ударило — две гранаты он не успеет забросить подальше, сейчас прогремит взрыв и отдыхающие в шалаше бойцы неминуемо погибнут. О себе Алексашкин не думал в этот момент. Он успел вскочить на ноги и отбежать на двадцать метров от шалаша, затем упал на землю и прикрыл собою злополучные гранаты. Последовал взрыв. Все повскакивали на ноги, не понимая в чем дело. А Виктора Алексашкина уже не было в живых.

Прибежал капитан Еничев:

— Кто позволил швырять гранаты?

Ему показали на лежавшее поблизости тело Алексашкина. Капитан сразу же понял, что произошло, и со злостью приказал:

— У кого еще в карманах гранаты? И кто не умеет с ними обращаться? Выложить на землю! — Потом, поняв, что такой приказ смешон, особенно перед предстоящей атакой, плюнул и убежал докладывать о происшедшем начальству.

Переход через болото был отложен. Однако враг, хотя наверняка и слышал взрыв гранат на нашей стороне, особого значения этому не придал. Гарнизоны на высотах, как показала высланная разведка, не проявляли беспокойства.

В ночь на 24 июня бойцы первого батальона 731-го стрелкового полка под командованием майора Кравченко и 293-я разведывательная рота капитана Еничева скрытно прошли через болото южнее Сенозера и залегли у самого подножия высоты Обрывистая.

Каждый воин, кроме своего походного груза, нес еще по одной мине (82 мм), боеприпасы, гранаты. Около 5 часов утра 25 июня батальон майора Кравченко и разведчики Еничева стремительно атаковали высоту.

Ровно через час повел своих воинов к высоте Безымянная командир отдельного батальона капитан Юсупов.

Наемники обнаружили батальон Кравченко слишком поздно. Но все же они успели обрушить свою огневую мощь на наших бойцов, атакующих гарнизон. В рядах наступающих на какое-то мгновение возникло замешательство. Особенно тяжело было взводу лейтенанта Запольского. Взвод залег под губительным минометным и пулеметным огнем у самого проволочного заграждения. Бойцы не решались под огнем неприятельского дзота резать колючую проволоку. Тогда лейтенант Запольский вскочил на ноги, бросился вперед, лег на проволоку и приказал прыгать, опираясь на него, через ограждения. Еще трое бойцов последовали его примеру. Взвод по телам своих товарищей

преодолел проволочные заграждения, ворвался в траншеи норвежских наемников, уничтожил дзот.

Первым пал вражеский гарнизон на высоте Обрывистая. Фашисты не ожидали, что советские разведчики и бойцы сумеют преодолеть непроходимое болото с севера, поэтому подготовиться к отражению атаки не успели. Когда они увидели цепи наступающих советских солдат, то, побросав оружие, бросились бежать ко второму своему опорному пункту — на высоту Безымянная. Но и там уже слышалось грозное «ура» атакующего батальона капитана Юсупова.

К вечеру 25 июня оба гарнизона норвежских наемников были окончательно разгромлены. Советские воины уничтожили более 500 солдат и офицеров, 48 были захвачены в плен. Успеху способствовали хорошо организованная разведка, которая выявила слабые места, неприкрытые фланги и стыки в обороне противника, а также смелый рейд разведчиков через болото, которое враг считал непроходимым.

В этой операции геройски действовали воины 293-й отдельной разведывательной роты под командованием капитана Еничева — сержант А. Киселев, разведчики Алексей Дубов, Николай Агафонов, Николай Сакин. Они первыми ворвались в окопы врага и в рукопашном бою уничтожили противника, показывая пример отваги.

Из захваченных писем норвежцев советские солдаты узнали, что каждому из них Гитлер обещал после победы большой участок леса и земли в вечное владение. Советские воины охладили пыл жадных до чужого наемников и выдали им то, что полагалось захватчикам, посягнувшим на наше Отечество.

Впереди — граница!

3 сентября 1944 года начальник штаба 279-го стрелкового полка майор Акимов выдал командирам батальонов карты, на которых пунктирной линией был обозначен участок Государственной границы СССР от Пяозера до Куолаярви. И хотя там еще находился враг, в войсках поняли: раз выдали такие карты, значит, скоро начнется наступление. Все давно ждали этого.

Ждал наступления и офицер разведки А. Панасянц. Когда его разыскал связной и передал, что его срочно вызывают в штаб 34-й дивизии, он понял: начинается, не сегодня-завтра вперед — к границе!

Через час Панасянц был в штабе. В кабинете начальника штаба майора Грибова кроме него самого никого не было.

— Присаживайтесь, капитан, — пригласил к столу Грибов. — Вы, наверно, знаете, зачем я вас вызвал?

Панасянц, сделав вид, что не догадывается, спросил:

— Опять язык нужен?

Грибов, улыбаясь, посмотрел на него:

— Хитрите, капитан. Будто о готовящемся наступлении ничего не слышали. Да уж ладно, давайте-ка сюда, поближе к карте.

Панасянц пододвинул табурет к краю стола, где лежала штабная карта-десятикилометровка.

— Комдив приказал 279-му полку двигаться в авангарде наступающих войск. Вот этим маршрутом… — майор показал на карте. — Правее будут наступать подразделения 104-й стрелковой дивизии. Разведчики должны обеспечить безопасный маршрут. Главное — сделать коридоры в минных полях. Затем, выйдя в тыл противника, препятствовать его отходу на запад. Батальоны 279-го полка атакуют врага у реки Тунтсайоки, захватывают господствующие здесь высоты и совместно с частями 104-й дивизии завершают разгром противника к исходу дня 12 сентября..

Грибов подробно расспросил капитана о правом фланге обороны противника, его тылах и только после этого отпустил Панасянца.

Капитану был знаком маршрут готовящегося наступления. В эти места его разведчики не раз делали вылазки. Но, несмотря на это, он еще долго изучал карту.

10 сентября разведчики и минеры 279-го полка выдвинулись вперед, проделали проходы в проволочных заграждениях,

разминировали минные поля и повели батальоны в направлении реки Тунтсайоки.

Разведчики первыми форсировали реку и двинулись ускоренным маршем для проведения более глубокой разведки. Вслед за ними форсировали Тунтсайоки подразделения 279-го стрелкового полка. К вечеру 11 сентября батальон капитана Б. Игнатьева достиг шоссейной дороги восточнее озера Куолаярви. Через некоторое время к нему присоединился батальон капитана Мельникова.

Утром 12 сентября батальоны без артподготовки атаковали передовые позиции противника у моста через протоку Куолаярви и почти без потерь овладели господствующими высотами.

Но противнику очень нужны были эти высоты и он попытался сбить с них укрепившиеся батальоны русских. Враг превосходящими силами, отходившими из Алакуртти, наседал, бомбил, атаковал, стараясь во что бы то ни стало возвратить себе утерянные позиции. Но батальоны прочно удерживали высоты.

Вечером 12 сентября командир 279-го полка неожиданно приказал разведчикам капитана Панасянца взорвать мост, разрушить на высотах укрепления, вывести из боя и отвести батальоны на север километров на пять-шесть. Разведчики, не понимая, зачем это делается, выполнили приказ: взорвали мост и прикрыли выход батальонов из боя. И все-таки потери при отходе с высот были значительные.

Разведчики тоже вернулись на исходные позиции. Панасянц сразу же поспешил в штаб дивизии за разъяснениями. Войдя к майору Грибову без доклада, он не сдержался и, опережая начальника штаба, зло бросил:

— Зачем вы несколько дней назад давали мне здесь умные наставления? Зачем?!

— Капитан! — попытался прервать его Грибов.

— Нет, зачем?! Если бы мы держали высоты, то потерь было бы меньше, чем при отходе!

— Капитан Панасянц! — наконец остановил его майор Грибов. — Оставьте ваши рассуждения при себе, идите — остыньте на улице!

Капитан Панасянц не мог знать, что отход с высот у озера Куолаярви был запланирован еще до; того, как началось наступление. Это был приказ командующего фронтом генерала армии К. А. Мерецкова. Буквально через несколько минут, когда затяжным залпом ударила по высотам наша артиллерия, он пожалел о том, что наговорил начальнику штаба дивизии. Он все понял. Наступление, настоящее наступление началось только сейчас! Дивизионная артиллерия мощным огнем уничтожала

пропущенного к Куолаярви противника…

18 сентября был получен новый приказ: овладеть населенным пунктом Кайрала и преследовать отходящего противника. Подразделения 279-го полка вновь пошли в атаку и взяли Кайрала. Затем батальон капитана Б. Игнатьева при поддержке артполка первым начал преследовать отходящего противника вдоль шоссе, сбивая его заслоны. Впереди батальона, как всегда, действовала разведка. Движение разведчиков было затруднено тем, что часто приходилось разминировать дорогу.

После пятидневных ожесточенных боев капитана Панасянца вызвал по рации начштаба дивизии майор Грибов: «Ваша разведка задерживает продвижение войск, командование дивизии приказывает вам возглавить передовую разведгруппу с целью ускорения продвижения».

Панасянц отобрал из разведчиков ударную группу в составе А. Сяглова, Л. Заднепровского, С. Девиева, Н. Крамаренко, И. Криско, Г. Рухадзе, Р. Яккола и еще нескольких бывших моряков.

Разведгруппа, преодолевая минные участки, к 30 сентября достигла Государ-ственной границы СССР, о чем капитан с радостью сообщил по рации в штаб дивизии.

Нашел поваленный пограничный столб заместитель комвзвода А. Сяглов.

— Товарищ капитан! Идите скорее сюда! — позвал он Панасянца. — Мы на границе!

Вместе они осторожно подняли пограничный столб, обложили его камнями, чтобы он стоял, и разведчики, не сговариваясь, произвели салют в честь этого события.

В первых числах октября 279-й стрелковый полк пересек границу и продвинулся на 20–25 километров в глубь территории Финляндии, заняв районы Келласелькя и Сиккаселькя. А еще через несколько дней капитан Панасянц вместе с переводчиком Р. Яккола встретили представителей финского командования, которых сопроводили в штаб 341-й дивизии.

Так закончились бои по освобождению северной Карелии.

За отличное выполнение боевого задания А. Панасянц был награжден орденом Красной Звезды.

Бой за высоту 373,1

В начале октября 1944 года начались боевые действия Карельского фронта по изгнанию фашистских захватчиков из Советского Заполярья. Остановить наступление фашисты не могли, но они сражались с яростью, отчаянно.

Вражеская оборона строилась более трех лет. Отдельные высоты были превращены в мощные опорные пункты. Дзоты, укрытия противник опоясал колючеи проволокой в несколько рядов, а перед ними установил мины.

За такие высоты враг особенно упорно цеплялся. И тогда на помощь наступающим войскам приходили разведчики.

Командиру отделения 60-го стрелкового полка старшему сержанту Н. Закоркину была поставлена задача — проникнуть незаметно в тыл врага, разведать расположение его боевых порядков на высоте 373,1 горы Кариквайвиш, которая являлась крупным опорным оборонительным пунктом фашистов. Овладение этой высотой открывало путь в северную Финляндию.

Фашистское командование считало неприступной эту крепость. На вершине высоты были сооружены наблюдательные пункты, а под ними — глубокие укрытия от бомб и снарядов. Это давало возможность просматривать глубину нашей обороны до десяти километров.

Начальник штаба полка сказал Николаю Закоркину:

— Ну, старший сержант, пришло время действовать. Вам с отделением надо проникнуть в глубь боевых порядков обороны противника, установить наличие траншей, огневых точек, наблюдательных пунктов, виды заграждений. Ты разведчик опытный, справишься! Вслед за вами пойдут штурмовые группы полка. Сигнал, что путь свободен, — зеленая ракета.

— Разрешите выполнять задание?

— Действуй! Ни пуха тебе ни пера, — пожелал на прощанье начальник штаба полка и протянул сержанту руку.

Ночью Николай Закоркин со своими бойцами обошел один из флангов обороны врага и вышел в его тыл. Разведчики обнаружили действующие огневые точки, линию проволочных заграждении, наблюдательный и командный пункты противника, составили схему, сообщили данные по рации командованию.

Через некоторое время по указанным целям наша артиллерия открыла огонь. От взрывов снарядов рвались проволочные заграждения первой линии обороны, многие огневые точки противника сразу же были подавлены, командный пункт также был разрушен. Над высотой зависло темное облако гари и дыма.

Пользуясь суматохой в стане врага, Закоркин со своими разведчиками решил продвинуться ко второй линии обороны. Множество камней, отсутствие какой-либо растительности заставило разведчиков ползти по-пластунски, напрягая все силы. С приближением к последним проволочным заграждениям старший сержант обнаружил оставшиеся неповрежденными дзоты, скрытые позиции минометов и сообщил об обнаруженных целях командованию. Через четверть часа последовал второй артиллерийский налет. И снова вражеские позиции окутались гарью и дымом.

Разведчики проскользнули было через окопы фашистов. Однако опытный Закоркин заметил среди раскиданных каменных глыб хорошо замаскированный дзот. Старший сержант принял меры предосторожности: приказал всем отползти назад, используя лощину. Тут они и поняли, что их поджидали: вдогонку из дзота открыли пулеметный огонь. Но было уже поздно: лощина надежно укрыла разведчиков.

Однако свистевшие над головами пули не позволяли подняться и обойти дзот. Старший сержант лихорадочно соображал, что делать дальше: скоро для атаки должны выдвинуться подразделения полка. Закоркин запросил по рации помощь артил-леристов, передал координаты цели. Через несколько минут над дзотом взмыли разрывы снарядов. Когда осела пыль, разведчики увидели, как метко сработали наши артиллеристы: дзот разворотило на части и он больше не представлял опасности. Закоркин поднялся во весь рост — дзот молчал. Тогда он вынул ракетницу и послал в серое небо зеленую ракету — путь к высоте открыт!

Вскоре к разведчикам подошли первые штурмовые группы полка. Из лощины, где укрывались разведчики, началась атака грозной высоты. «Ура-а-а!» — бойцы ринулись вперед. Но тут справа от наступавших заговорил другой пулемет противника. Еще один дзот не обнаружили разведчики! Поднявшиеся штурмовые группы, понеся большие потери, вынуждены были залечь. Тогда Закоркин, тщательно маскируясь, сам пополз к дзоту. Все с тревогой наблюдали, как старший сержант все ближе и ближе подбирался к вражескому пулемету. Вот он совсем близко, вот приподнялся и метнул связку гранат в амбразуру. Пулемет замолк. Наши снова поднялись в атаку.

И снова — огонь пулемета противника! Ливнем свинца хлестнуло по нашим бойцам. Появились убитые. В рядах наступающих возникло замешательство.

И старший сержант Закоркин, сжав зубы, опять пополз под пулеметным огнем к заграждению, саперной лопаткой сбил

проволоку с кольев, проделал проход и махнул рукой своим разведчикам: «За мной! Вперед!»

Разведчики, следуя примеру своего командира, быстро преодолели проход, проделанный им в колючей проволоке, и бросились на врага. Одна за другой полетели гранаты в огнедышащее жерло дзота и он окутался черными столбами взметнувшейся земли.

Все. И этот пулемет разведчики заставили замолчать. Тут же Закоркин услышал громкое и решительное «ура!» позади себя и увидел волну атакующих.

Немецкая оборона была глубоко эшелонированной. Враг имел еще несколько линий траншей и заграждений. Закоркин со своими отважными разведчиками, преодолев одну траншею, тут же шел на следующую, увлекая за собой атакующих.

К полудню высота 373,1 была полностью очищена от немцев и на самой высшей ее точке взвился красный флаг.

Но старший сержант Николай Закоркин не увидел, как забилось победно на отнятой у немцев высоте алое знамя. Вражеская пуля сразила отважного разведчика… Это произошло на восточном склоне горы Кариквайвиш 7 октября 1944 года.

Дорого заплатили фашисты за его смерть. В бою за высоту 373,1 было уничтожено до 180 солдат и офицеров противника, 12 захвачено в плен.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и героизм, проявленные в борьбе с фашистскими захватчиками, старшему сержанту Закоркину Николаю Степановичу посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Враг отступает

Андрей Дмитриевич Фролов — один из восьми воинов 10-й гвардейской стрелковой дивизии (бывшей 52-й дивизии), получивших звание Героя Советского Союза за бои на Кольском полуострове.

Молодым лейтенантом он прибыл в дивизию в марте 1944 года, уже имея солидный опыт разведчика, боевые награды и ранения. Познакомившись с ним, командир отдельного лыжного батальона 25-го гвардейского полка майор Иван Коношенко поставил задачу:

— Подберите группу из двенадцати человек для захвата языка. Изучите участок обороны, уточните огневые точки противника. Через неделю доложите о готовности.

Спустя шесть дней на рассвете артиллеристы открыли огонь по первой траншее противника, которая тянулась вдоль леса, по дотам и землянкам, координаты которых дали разведчики группы лейтенанта Андрея Фролова. Десятки взрывов окутали оборону врага. В стороны разлетались бревна, камни. Были разрушены проволочные заграждения.

Взять языка Фролов решил прямо на передовой противника. Вот для этой цели и поработали наши артиллеристы.

Во время артподготовки разведчики во главе с Андреем Фроловым пробрались к переднему краю противника и, когда смолкли наши пушки и минометы, бросились в траншеи. Но там живых немцев не оказалось. «За мной!» — крикнул лейтенант и кинулся к землянке, у которой взрывом была вырвана дверь. Ни души. Но Фролов вдруг увидел сапоги, торчащие из-под нар.

— Тащите его быстрей! — приказал он бойцам.

Разведчики вытащили фашиста из землянки и поспешили к нейтралке, пока немцы не успели опомниться. Вскоре по нейтральной полосе ударили фашистские минометы. Осколком ранило в ногу Андрея Фролова. Были ранены еще двое разведчиков. Но все трое, стиснув зубы, сумели все же доползти до наших траншей.

— Подлечитесь — и снова к нам, — сказал командир батальона Иван Коношенко, отправляя Андрея в тыл. — А за языка тебе спасибо!

Через месяц Андрей Фролов снова прибыл на передовую.

7 октября 1944 года залп доблестных «катюш» известил о начале решительного наступления войск Карельского фронта в Заполярье. Гитлеровские укрепления, строившиеся три с половиной года, были взломаны, разрушены огнем артиллерии и

авиацией. Наша пехота, преследуя фашистов, захватывала богатые трофеи: орудия, пулеметы, автоматы, боеприпасы, машины. Советские воины били врага, не только наступая по фронту, но и с тыла, преграждая путь отступающим егерям 2-й горной дивизии.

…Группа советских воинов из сорока трех человек во главе со старшим лейтенантом Андреем Фроловым получила задание: проникнуть в тыл противника и по возможности уничтожать отступающих фашистов.

Ночью разведчики вышли к сопке, через которую проходила грунтовая дорога. Фролов вынул из полевой сумки топографическую карту, осветил ее карманным фонариком.

— Вышли к цели. На вершине сопки по обе

стороны дороги сделаем засаду и будем ждать гостей.

До рассвета окопались. Тишину раннего утра нарушили три мотоциклиста. Разведчики их пропустили. А вскоре на дороге показалась колонна из шести автомашин.

— К бою! — скомандовал Фролов.

Как только колонна достигла вершины сопки, на нее обрушился шквал автоматного огня. Две автомашины сразу же сползли в кювет. Из кузовов начали выпрыгивать гитлеровцы. Бросив в них две гранаты, Андрей Фролов застрочил из автомата длинными очередями. Фашисты, рассредоточившись, пошли в атаку. Остановить их было непросто. К тому же наш «Дегтярев» вдруг замолчал: пулеметчик оказался раненным. Андрей быстро подполз к пулемету и, установив его, открыл огонь. Немцы отступили и спрятались за автомашинами, в кювете, за камнями.

— Беречь патроны, бить только наверняка! — передал приказ по цепи Андрей Фролов.

Одна группа фашистов, используя лощину, все-таки обошла наших воинов.

— Веди бой на дороге! — приказал Андрей Фролов лейтенанту Маленникову, а сам с двадцатью

гвардейцами преградил путь гитлеровцам, обошедшим их справа.

Бой длился около двух часов. Не многим немцам удалось прорваться через сопку и уйти к своим. Когда бой закончился, разведчики осмотрелись: более пятидесяти убитых немцев. Пятнадцать фашистов, в том числе два офицера, сдались в плен. Были захвачены три машины, 105-миллиметровая пушка,

несколько ручных пулеметов, штабные документы.

Вскоре на дороге появились подразделения 10-й гвардейской дивизии. Это от них бежали фашисты, которых встретили отважные разведчики во главе с Андреем Фроловым.

Большое вам спасибо, — поблагодарил храбрецов командир дивизии генерал-майор Х. А. Худалов. — Что же вы не запросили о помощи?

Некогда было, — ответил Андрей Фролов.

…Отступая, враг взорвал мост через реку Титовку. Прежде чем навести переправу, нужно было разведать, не закрепились ли фашистские солдаты на противоположном берегу реки. Андрей Фролов с двумя бойцами, связав проволокой три бревна, ночью переправился на незнакомый берег. Убедившись, что поблизости немцев нет, он посигналил фонариком оставшейся на том берегу роте. На плотах бойцы форсировали водную преграду.

Разведчики начали вести наблюдение. А саперы принялись наводить понтонный мост. В это время к реке подошли две роты фашистов. Подпустив их поближе, разведчики вместе с саперами открыли огонь. Застрочили пулеметы, автоматы, в ход пошли гранаты. Немцы залегли, но через несколько минут снова ринулись на наших бойцов, намереваясь опрокинуть их в реку, сорвать наведение переправы. И снова враг наткнулся на мощный огонь роты старшего лейтенанта Андрея Фролова.

Три раза фашисты ходили в атаку и каждый раз откатывались назад. На четвертую у них не осталось сил. Вскоре переправа была наведена, по понтонному мосту наши гвардейские полки переправились через Титовку и с ходу вступили в бой.

За героизм, проявленный в борьбе с врагом, и обеспечение переправы наших войск через реку Титовку гвардии старшему лейтенанту Андрею Дмитриевичу Фролову Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Советского Союза.

Переправа, переправа…

45-я стрелковая дивизия, стремительно развивая наступление, в октябре 1944 года подходила к реке Печенга. Враг откатывался все дальше и дальше на запад. Казалось, еще один рывок, еще один мощный штурм — и все Советское Заполярье будет очищено от фашистов. Но противник сопротивлялся яростно, цеплялся за каждый удобный рубеж. Таким рубежом была и река Печенга.

Комдив приказал начальнику разведки майору С. Н. Гриневу до подхода основных сил разведать местность и главное — не дать фашистам взорвать мост, который был необходим для быстрой переправы наших войск на тот берег реки. К началу суток 14 октября к переправе должны были подойти танки и подразделения 14-й армии. Мост следовало удержать во что бы то ни стало.

— К тому же, майор, вы назначаетесь начальником этой переправы, — добавил комдив. — И от вас зависит, в каком виде она будет, когда по ней начнут переправляться наши войска.

Задача была очень ответственной. И хотя разведчики доложили, что крупных сил врага на том берегу реки не замечено, это мало утешило майора. «Не может быть, чтобы такой важный стратегический объект немцы оставили без внимания, — думал он. — Значит, мост решили взорвать!»

Его предположение подтвердилось: через некоторое время разведчики, посланные для наблюдения за мостом, сообщили, что к мосту подошла машина, крытая брезентом. Из нее немецкие солдаты выносят какие-то ящики.

У Гринева мелькнула мысль: «Все — готовятся к взрыву. Этого допустить нельзя».

Он решил сам возглавить операцию по захвату моста. Взяв с собой еще взвод саперов, он скрытно подошел к реке и разыскал разведроту. Увидев то, о чем ему докладывали, он тут же приказал атаковать немцев.

Разведчики и саперы бросились к мосту. Застучали ручные пулеметы и автоматы. Вражеские солдаты заметались, их минеры побежали с моста. И вдруг прогрохотал взрыв. У Гринева зашлось сердце: неужели фашистам удалось заложить взрывчатку? Но больше взрывов не последовало, а мост стоял почти невредимым. Разведчики, перебежав через него, стали забрасывать гитлеровцев гранатами. Схватка была молниеносной. Фашисты не выдержали и, бросив машину, скрылись.

Теперь надо было проверить, насколько крепок мост, смогут

ли по нему пройти танки, и вообще — подготовиться к переправе.

Майор расставил знаки, пикеты, приказал саперам проверить, нет ли мин, и восстановить мост, который все-таки был поврежден во время боя. Поблизости поставил четыре поста охраны. По рации майор доложил в штаб дивизии: «Мост в наших руках. Незначительно поврежден. Ведется восстановление. К подходу танков будет готов».

Не случайно командир дивизии назначил Гринева начальником переправы. Он знал, что если немцам удастся взорвать мост, то майор его восстановит: по профессии Гринев — инженер-архитектор.

…Перед самой войной он защитил на «отлично» диплом и получил назначение в Выборг. Приехал его отстраивать. Планы, один заманчивее другого, будоражили молодого архитектора. Но день 22 июня 1941 года их перечеркнул. И ему пришлось не строить, а разрушать наиболее важные объекты города, чтобы враг не смог воспользоваться ими. В те июньские дни он был назначен уполномоченным по эвакуации населения. На многие годы запомнит Гринев скорбные колонны людей, крик детей, потерявших родителей, немощных стариков, которым предстоящий путь был не по силам. Потом он добился отправки на фронт. В стрелковой дивизии, куда он был назначен, начальник штаба дотошно расспрашивал его о склонностях и способностях. Хорошее знание геодезии, топографии, спортивный разряд по лыжам, серьезность и сообразительность Сергея Гринева определили его военную специальность. «В разведывательный батальон, — сказал начштаба. — Будете командиром взвода».

Не думалось тогда, что к своей мирной профессии он сможет вернуться только через четыре года. А до того он станет начальником разведки дивизии, майором, кавалером многих орденов и медалей, пройдет через горнило смерти и разрушений. И это он, человек самой созидательной на земле профессии!

В первые дни войны судьба свела Гринева с Виктором Николаевичем Маловым, преподавателем одного из ленинградских вузов. Его советам и наставлениям свято следовал молодой офицер. Не в последнюю очередь благодаря этому Гринев отлично справился с первой самостоятельной операцией.

Нужно было найти отдельный батальон майора Сергеева, который вел тяжелый бой под Ругозером и с которым двое суток назад прервалась связь. Владея топографической картой и хорошо ориентируясь на местности, Гринев умело уходил от финских подразделений по лесной чаще, через речушки и болота. Через полсуток разведчики обнаружили батальон, который занял

круговую оборону на небольшой сопке. Гринев передал ему приказ командования об отходе на новые позиции.

За последующие годы С. Н. Гриневу пришлось немало пройти по карельской земле, да нередко ползком, избегая встречи с врагом. Но то время, когда фашисты были сильны, уже прошло. Теперь они бегут. Освободив северную Карелию, наши войска завершают разгром гитлеровцев в Советском Заполярье.

И вот сейчас Гриневу впервые за все годы войны пришлось применить знания, полученные в институте. Переправа через Печенгу была восстановлена и подготовлена своевременно.

Утром 14 октября форсированным маршем по мосту прошла наша пехота, затем артиллеристы, резервы.

Майор с особым волнением ждал танки. И вот он услышал нарастающий гул моторов. К реке подходили прославленные Т-34, орудия которых были направлены в сторону врага.

Перед мостом танк, шедший впереди, остановился. Из машины вылез полковник — командир танковой части. Гринев доложил о состоянии переправы.

— Выдержит? — спросил полковник.

— Выдержит! — уверенно ответил Гринев.

— Спасибо, саперы! — поблагодарил полковник. Он не знал, что переправу готовили разведчики.

— Держать расстояние между машинами. Идти на малой скорости. Вперед! — приказал он по рации танковой колонне.

Вновь загудели моторы. Красный флажок указывал переднему танку направление. С шумом и лязганьем Т-34 понеслись по дороге на Печенгу, последнему оборонительному рубежу немцев на территории Советского Заполярья. Мост прогибался, скрипел, но держал грозные машины. Танки шли, и казалось, им не будет конца. Наконец прошел последний. Майор Гринев вытер вспотевший от волнения лоб, затем сказал разведчикам:

— Надо догонять своих!

После освобождения Печенги наши части одним ударом овладели и Киркенесом, небольшим норвежским городком.

Начальник разведки 45-й дивизии майор Гринев получил от командира новый приказ: срочно отыскать убежища и места для укрытия войск на случай бомбежки или артобстрела.

— И еще: при отступлении немцев часть норвежских патриотов и наших пленных сумели бежать и прячутся где-то в горах, недалеко от города, — сказал комдив Панин. — Разыщите и помогите им. Будьте осторожны: скрытые убежища могут быть заминированы.

Гринев взял двух разведчиков и пошел в город. По дороге, разглядывая дымящиеся развалины, он вспомнил, что на

северной окраине Киркенеса видел серые бараки какого-то лагеря. «Надо идти туда, — подумал он. — Там наверняка знают все окрестные горы и долины». И разведчики направились к лагерю. Встретили их радостно. Оказывается, здесь были русские. Лагерь гудел. Ворота его были взломаны, во многих местах прорваны проволочные заграждения, меж бараков дымились костры. Но люди почему-то не покидали его. Видимо, ждали решения военного начальства.

Майор с разведчиками подошел к группе женщин, о чем-то страстно спорящих у снесенных ворот, приветливо им улыбнулся, поздоровался, поздравил с освобождением.

— Кто из вас хорошо знает город?

Женщины переглянулись. Помолчали. Потом самая высокая и худая из них ответила:

— Нас, взрослых, в город не пускали, сидели за проволокой, а вот Таня и Оля часто покидали лагерь. Фашисты к ним относились снисходительно.

Майор, улыбаясь, сказал:

— А ну, где они? Пусть подойдут.

Кто-то из женщин побежал к баракам и вскоре к Гриневу подошли две девочки лет пятнадцати. Они были изнурены и, может быть, выглядели старше своих лет. Бледные, в оборванных фуфайках, с синими кругами под глазами, с забранными под серые косынки волосами.

— Вы хорошо знаете город?

— Да, знаем! — подтвердили девочки.

— Тогда пойдемте с нами, показывайте.

Девочки, шлепая большими деревянными башмаками, пошли за разведчиками.

Гринев поинтересовался, как же немцы разрешили выходить из лагеря.

— Мы упрашивали охранников, говорили, что есть хотим. Некоторые пропускали, но осматривали фуфайки и даже башмаки. Проверяли, не несем ли мы письма или записки. В городе нас выручали норвежцы. Они давали вареную или вяленую рыбу, иногда кусок хлеба.

— А вы что же, говорите по-норвежски?

— Знаем кое-что…

— А кто вас учил?

— Сами научились. Есть захочешь, всему научишься.

Помолчав, майор снова спросил:

— Вы знаете бомбоубежища и подвалы в городеи окрестностях?

— Да. Можем показать. Знаем еще норвежский бункер, он даже немцам не был известен.

Начальник разведки удивленно посмотрел на них и решительно заявил:

— Ведите нас сразу к тому бункеру.

Девочки пошли быстрее. Разведчики тоже прибавили шагу. Кончилась черта города, начались скалы. Прошли еле заметной горной тропой еще с километр, и Гринев заметил глубокую расщелину.

— Вон там норвежский бункер! — показали девочки.

Майор опытным глазом разведчика отметил, что подход к бункеру тщательно замаскирован. Он приказал девочкам идти поодаль, сам с бойцами пошел вперед, тщательно глядя под ноги — он боялся мин.

Массивная дверь, обитая толстым железом, была закрашена под цвет камня. Гринев постучал в нее. За дверью послышалось какое-то движение. Затем стихло. Тогда к двери подошла Таня.

— Свои, откройте! — по-норвежски крикнула она.

За дверью стали шептаться.

— Да свои же, свои! — вновь повторила Таня. Дверь скрипнула, из бункера ударил спертый воздух.

В глубине пещеры мерцал тусклый свет. Перед дверью сидело несколько норвежцев с повязками Красного Креста на рукавах. Одни пытались улыбаться, другие обитатели этого странного жилища боязливо поглядывали на нежданных гостей.

Таня и Оля сообщили им, что привели русских, среди которых офицер, при этом они указали на Гринева. Чтобы окончательно успокоить норвежцев, Таня сказала, что немцев в городе больше нет. Город освобожден. Теперь можно выходить на свободу.

О том, что именно сказала девочка, Гринев понял по лицам людей. Норвежцы вмиг обступили советских разведчиков, оживленно заговорили, хотя бойцы и не могли их понять. Одна из женщин достала из-под соломенного матраца «кольт» и протянула его Гриневу. Майор взял пистолет.

— По домам, граждане! — сказал Гринев и показал рукой на город. — По домам идите!

Таня перевела. Обитатели бункера еще радостней закивали головами и один за другим стали выбираться из своего убежища.

Распростившись в норвежцами, разведчики пошли за девочками на поиск других убежищ.

Через несколько часов у майора Гринева была готова схема расположения укрытий. Вечером он доложил комдиву Панину, что приказ выполнен.

Это была последняя разведка майора Гринева на Карельском фронте. Зато предстояли еще жестокие бои на территории Польши, Германии…

Сын полка

В самом начале войны семья Кузьминых вынуждена была покинуть родную деревню Коккосалма и эвакуироваться в поселок Кодино Онежского района Архангельской области. Трудно было матери воспитывать четырех сыновей. Работала не покладая рук, отдавая все детям. Сама сильно болела, и вся надежда была теперь на старшего сына Федю.

В апреле 1944 года Федю и его братьев постигло большое горе — мать умерла, они остались сиротами. Феде тогда шел пятнадцатый год. Голодно было, поэтому ничего не оставалось Феде, как отдать своих маленьких братьев в детский дом. Его и самого хотели взять туда, но, устроив братьев, он сбежал. Сколько страданий перенес Федор — вспоминать страшно! Но он не переставал думать о своей деревне, где родился, дружил с ребятами, ходил по грибы и ягоды, не раз поднимал из-за кустов краснобровых тетеревов, серых куропаток. Не мог Федя Кузьмин забыть родной край! И решил он однажды вернуться в свою деревню, хотя знал, что там немцы. Но знал он, что недалеко от нее и фронт. Написал письмо братишкам, чтобы не волновались, собрал свои нехитрые пожитки — и на железнодорожную станцию. Выбрав подходящий момент, нырнул в вагон и забрался на третью полку, затаился. Перед станцией Малошуйка военный патруль проверял пропуска у пассажиров. Обнаружили Федора, сняли с поезда и доставили к коменданту станции.

Комендант отправил его обратно в Кодино. Но Федя опять сбежал. Уже на другом поезде, товарном, в вагоне с углем он добрался до станции Лоухи.

В Лоухах Федя заприметил военных, подошел к ним.

— Дяденьки! Вы откуда? — спросил он.

— Оттуда! — рассмеялся усатый боец и махнул рукой в неизвестном направлении.

— А тебе, пацан, куда надо? — поинтересовался другой боец.

— В Коккосалму, — ответил Федя.

— Ба-а! Так это же знакомые нам места! — сказал усатый и протянул Феде котелок с кашей. — Ешь, голодный поди!

Потом начал его обо всем расспрашивать.

Федя как на духу ему все рассказал: и про деревню, и про мать, и про братишек, которые в детдоме.

— Дяденька, возьмите меня с собой! Я с винтовки умею стрелять! — запросился он. — Не смотрите, что я худой и малый, бегаю быстрее вас!

— Подожди, — сказал усатый, поднялся и пошел к своему

командиру, долго о чем-то ему говорил, показывая на Федю, потом снова подошел к нему.

— Никак не можем. Капитан Пономарев, наш ротный, упирается. Я уж к нему и так и сяк, он ни в какую.

Федя сник.

— Погоди, пацан! — остановил его усатый. — Ты вот что. Мы скоро уедем к себе. Но сюда из хозвзвода должна прийти наша полуторка — вон к тому складу, — показал он на сарай. — Ты шоферу скажи, что капитан Пономарев велел тебя доставить в отдельный лыжный батальон. Он знает куда. Схитри, понимаешь? А на месте мы ротного уговорим.

Федя все сделал так, как научил усатый солдат.

Дождался машину, шофер ему поверил и взял с собой. Но на контрольно-пропускном пункте его сняли — не положено. Тогда он, когда машина ушла, сделал вид, что возвращается назад, а сам за поворотом дороги юркнул в лес и обошел стороной КПП. На 19-м километре от станции Лоухи он заметил войсковую хлебопекарню, завернул туда. Его накормили свежим хлебом. А когда прибыла из батальона машина за хлебом, водителя заставили взять мальчика. Так Федор Кузьмин добрался до отдельного лыжного батальона 205-й стрелковой дивизии, командиром которого был прославленный капитан Юсупов, Ибрагим Хабибулович, по прозвищу Батя. И Юсупов принял Федора! Он сразу вызвал к себе интенданта батальона, велел ему поставить парня на все виды довольствия, обуть, одеть и откормить. Сбылась Федина мечта стать бойцом Красной Армии!

Бойцы батальона его полюбили. Полюбил его и сам Юсупов. При встрече говорил: «Ну, как дела, сынок? Усваиваешь науку разведчика? Вот победим фашистов, учеба будет тебе другая, верь мне!»

В сентябре 1944 года 205-я стрелковая дивизия в составе 26-й армии перешла в решительное наступление на лоухско-кестеньгском направлении по освобождению родного края Феди Кузьмина. Войска после мощных артиллерийско-минометных ударов прорвали оборону противника и начали преследовать отступающие вражеские части дивизии СС «Север» и 6-й горно-егерской дивизии.

Командиру лыжного батальона капитану И. Юсупову не пришлось участвовать в этом наступлении — он геройски погиб в июле 1944 года в районе высоты Мендавара. Батальоном стал командовать капитан Лавриенко.

Федя Кузьмин выполнял в основном роль связного. Его посылали куда угодно. А вот в сентябре 1944 года в бою в районе Корпиозера Феде Кузьмину пришлось быть боевым разведчиком.

Находясь в засаде, Федя стрелял по отступающим оккупантам из автомата.

Его наставниками и близкими друзьями стали командир отделения разведки сержант Александр Щекочихин, старший сержант Александр Самсонов, старший сержант Александр Киселев. Среди таких мужественных и бесстрашных разведчиков рос сын полка Федя Кузьмин.

Вместе с батальоном он прошел славный боевой путь от Карелии до Балтийского моря, участвовал в боях по освобождению Польши, Восточной Померании и города Гдыни, в высадке десанта в мае 1945 года на датский остров Борнхольм, где была разоружена и пленена вражеская группировка в 12 тысяч солдат и офицеров.

Но вот окончилась война. Настал день Победы! Феде Кузьмину тогда шел шестнадцатый год. Разведчики не оставили Федю. Старшина Максим Яковлевич Шмыгин, увольняясь в запас, предложил сыну полка поехать вместе с ним в подмосковный город Коломну, чтобы продолжить прерванную войной учебу. Федя согласился.

Этому благородному человеку Федя Кузьмин на всю жизнь остался признателен и благодарен. В 1952 году Федор Кузьмин закончил военное училище, стал офицером Советской Армии. Затем в 1959 году Кузьмин окончил военную академию. В 1975 году защитил докторскую диссертацию. Паренек из карельской деревушки Коккосалмы стал доктором военных наук.

Их будут помнить всегда!

На 34-м километре железной дороги между станциями Лоухи и Кестеньга стоит на шестиметровом пьедестале солдат с автоматом в руках, символизирующий подвиг более 3000 советских воинов, отдавших в этих местах жизнь за свободу и независимость нашей Родины. Здесь, на рубеже обороны кестеньгского направления, в 1941 году был остановлен враг, были разбиты отборные немецкие дивизии.

Немало героических подвигов совершили в те суровые годы и разведчики. На лоухско-кестеньг-ском направлении активно действовали разведчики 88-й, 205-й, 45-й, 263-й, 367-й, 368-й стрелковых дивизий, 67-й, 61-й, 85-й отдельных морских бригад, а также 72-го пограничного отряда. Методы разведки были самые разные, но цель одна — скорейшая победа над захватчиками. Ради этой великой цели наши солдаты переносили все невзгоды фронтовой жизни.

Летом 1941 года на лоухско-кестеньгском направлении шли упорные и жестокие бои. Враг находился в 26 километрах от станции Лоухи. В разведку отправилась группа бойцов из 611-го стрелкового полка, которую возглавил сибиряк Федор Рычков. Идти было трудно. Приходилось обходить вражеские укрепления, переправляться через речушки и озера, через топкие болота. Но языка нужно было взять во что бы то ни стало! И разведчики доставили его нашему командованию. Немецкий офицер, взятый в плен, показал, где и когда готовится ближайшее наступление на этом участке. По данным разведки были предприняты все меры для укрепления нашей обороны.

В мурманском госпитале я познакомился с лейтенантом Михаилом Васильевичем Грузиным. Он, командуя ротой 95-го полка 14-й стрелковой дивизии, первым принял бой 30 июня 1941 года с немецкими егерями на рубеже реки Титовка. В ожесточенных боях был ранен.

После излечения его назначили командиром разведывательной роты в только что сформированную Полярную дивизию. Он оказался прирожденным разведчиком! На счету его роты было немало рискованных походов по тылам врага.

Каждый день войны приносил разведчикам все новые заботы, но вместе с ними совершенствовалось их мастерство, накапливался опыт. Теперь они не просто брали языков, а совершали дерзкие, хорошо продуманные и тщательно спланированные операции. Уничтожали живую силу и транспорт врага, взрывали склады, нарушали связь, добывали важные

документы.

В декабре 1942 года разведчики второго батальона 238-го стрелкового полка 186-й дивизии вышли в ночной поиск из района обороны 6-й роты. Здесь последнее время стали часто появляться вражеские лазутчики. В первый свой поиск отправились комсомольцы Виктор Видякин, Андрей Ткаченко и Александр Горбунов. Они, находясь в группе прикрытия, первыми увидели гитлеровских лыжников, успели уложить по одному фашисту, прежде чем на помощь подоспели их товарищи. У командира вражеской разведки, фельдфебеля, взяли документы. За отличное выполнение задания и высокую бдительность рядовые Видякин, Ткаченко и Горбунов получили благодарность. Дальнейший путь солдат был отмечен правительственными наградами.

В декабре 1942 года взвод 290-го стрелкового полка Полярной дивизии во главе с лейтенантом Долгих и политруком Либезовым получили задание разведать правый фланг обороны противника. Холодной ночью вышли в тыл. Снежная пурга металась по лесу. Непогода затрудняла движение, но она же и помогала разведчикам маскироваться. Целую ночь они находились в засаде, изучая позиции врага, а утром напали на колонну гитлеровцев. Засаду организовали так, что фашисты очутились в огненном мешке. На месте схватки остались убитыми 60 фашистов, в то время как наши, взяв пленного, отошли без потерь.

Много раз писалось в газетах о подвигах разведчиков 104-й стрелковой дивизии, о командире взвода разведки лейтенанте Михаиле Григорьевском. Сибиряк Григорьевский со своими отважными бойцами умело заходил в тыл врага, устраивал засады, совершал дерзкие нападения, захватывал языков, ценные документы, оружие.

В июле 1944 года в одном из рейдов лейтенант Григорьевский геройски погиб…

Разведчик полковой артиллерии 186-й стрелковой дивизии Алексей Еремин, наблюдая за действиями противника, который вел огонь из минометов и пулеметов, по вспышкам определял, где расположены огневые точки. Вражеские минометчики и пулеметчики маневрировали, стараясь не показывать все огневые точки. Вот эти тщательно скрываемые точки перед готовившейся атакой и необходимо было выявить. Еремин придумал хитрость. Поздно вечером перед нашими позициями загремели на склоне сопки подвешенные на веревку пустые консервные банки, артиллерийские гильзы. Враг всполошился, открыл огонь из минометов, пулеметов. Еремин быстро нанес на карту несколько

неизвестных раньше огневых точек. Утром по обнаруженным целям открыла огонь наша дивизионная артиллерия.

Пришлось однажды Еремину брать языка прямо из землянки, где прятались от мороза фашисты. Он затаился на крыше землянки, из трубы которой валил едкий дым и щекотал в носу. Алексей почувствовал, что, если не избавится от дыма, чихнет. Он снял сапог и надел его на трубу. Вскоре наружу выскочил немец, чтобы проверить, в чем дело. Алексей прыгнул на него, схватил за горло. Товарищи помогли оттащить пленного. В горячке Еремин забыл про сапог. Так и пришел к своим без сапога.

В августе 1942 года капитан В. П. Барболин был назначен начальником разведки 254-й бригады морской пехоты, готовил разведывательные группы и отряды. С 1942 года по 1944 год эти разведгруппы и отряды произвели около 150 вылазок, поисков, рейдов в тыл врага. Только на личном счету В. П. Барболина 20 убитых фашистов. За храбрость, отвагу и мужество он был награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды и многими медалями. Ныне инвалид 2-й группы В. П. Барболин проживает в городе Омске, ведет большую военно-патриотическую работу, им написана книга «Незабываемый Рыбачий».

Разведчик 325-го стрелкового полка 14-й стрелковой дивизии сержант Исаак Давидович Учитель не один раз водил свое отделение в разведку, доставлял командованию ценные документы, а на высоте Боб взял важного языка и лично доставил его в штаб полка. Командир полка подполковник Чернецкий сразу представил сержанта Учителя к правительственной награде. В одном из боев в разведке сержант Учитель был тяжело ранен.

В октябре 1944 года отдельному лыжному батальону 10-й гвардейской дивизии предстояло выйти в тыл врага и не дать ему организовать оборону на новом рубеже. Командовал батальоном майор Коношенко.

Мост через реку Петсамойоки был взорван. Иван Митрофанович Коношенко приказал соорудить плоты. С двумя бойцами майор первым переправился на западный берег. Фашисты не ожидали такого дерзкого налета, но от удара разведчиков оправились быстро и пошли в атаку. Комбат организовал круговую оборону. Стойко защищались бойцы. Фашисты отступили, оставив больше десятка убитых. Бой отвлек врага от реки, где в это время была наведена переправа.

Командир взвода пешей разведки лейтенант Кукушкин должен был провести разведку боем. Проникнуть к обороне врага можно было только между озерами. Проход этот составлял не более тридцати метров и находился под постоянным

артобстрелом. Преодолеть место скрытно было очень трудно. По два-три человека подползал взвод к позициям фашистов, а затем атаковал их опорный пункт. Налет был так стремителен, а действия разведчиков настолько слаженными и согласованными, что оставшиеся в живых оккупанты бежали. Забрав оружие, ранцы убитых, документы, разведчики стали отходить. Но опомнившиеся фашисты открыли по ним ураганный огонь, начали преследование. Красноармеец Воронцов оказался в окружении нескольких фашистов, тогда он с криком «Да здравствует Родина!» бросил себе под ноги гранату.

Это только немногие эпизоды боевых действий разведчиков Карельского фронта. А сотни и тысячи других подвигов, совершенных ими за годы войны, не замечались, считались обыденной солдатской работой, той жестокой и тяжелой работой, которую делали все солдаты Великой Отечественной.

Но ваши ратные дела, разведчики Карельского фронта, никогда не забудутся, ибо они с первых дней войны приближали неминуемую гибель фашистских захватчиков. Вас будут помнить всегда!

СОДЕРЖАНИЕ

[От издательства]
О друзьях-товарищах

1941 год
Отступая, нападать!
Зимними холодными ночами
Первые победы
В декабрьскую метель
На масельгском направлении

1942 год
Убит у разъезда
По ледяному панцирю
Сорвали рыбалку
Победил смерть!
Рейд на Топозеро
Язык с Гангашвары

1943 год
Пал смертью героя
Высота Беленького
Разведчик-корректировщик
Хотите верьте — хотите нет

1944 год
В боях под Питкярантой
Разведчики дальнего действия
Разгром наемников
Впереди — граница!
Бой за высоту 373,1
Враг отступает
Переправа, переправа
Сын полка
Их будут помнить всегда!

notes

Notes